

В. В. Аксючиц

ОПЫТ САМОСОЗНАНИЯ

DirectMEDIA

Виктор Аксючиц

Опыт самоосознания

«Директ-Медиа»

2023

УДК 159.923.2
ББК 87.153.362

Аксючиц В. В.

Опыт самоосознания / В. В. Аксючиц — «Директ-Медиа», 2023

ISBN 978-5-4499-3979-1

Издание автобиографических материалов Виктора Аксючица — русского философа, богослова, политика и общественного деятеля — по-своему уникально. Это своего рода «опавшие листья», свидетельства о себе, о соратниках, о ключевых событиях эпохи, очень разные по содержанию и стилю. Описания экзистенциальных потрясений, с очень юного возраста определивших бурную судьбу, вопреки испытаниям и приключениям. Философское озарение, набросанное на одной странице и определившее начала и концы двух десятков изданных книг, дневник мыслей, повелевающих в самых негодных для них обстоятельствах, духовное и душевное пестование любимыми, полемика о главном с друзьями и недругами, заметки о политических и культурных событиях эпохи, в эпицентре которых находился герой. И, конечно, выводы о достигнутом и не доступном. Издание адресовано широкому кругу читателей, но прежде всего — ценителям интеллектуальной истории современной России. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.923.2

ББК 87.153.362

ISBN 978-5-4499-3979-1

© Аксючиц В. В., 2023

© Директ-Медиа, 2023

Содержание

Озарения и влияния	6
Детские и юношеские грёзы	6
Драматическая пропедевтика	8
Духовная мама	12
Ляля о Майе	17
Ляля о нас	20
О родной для меня книге	24
Радости обретения и боли самосознания	26
Письмо Петру Щедровицкому	29
Первые самостояния	31
Дневник самосознания – семидесятые	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Владимирович Аксючиц

Опыт самоосознания

© Аксючиц В. В., текст, 2023

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2023

Озарения и влияния

Детские и юношеские грёзы

Лет в десять я испытал сильнейшие переживания смерти: в пионерском лагере грёзами перед сном додумывал до безысходной брэнности всего, неизбежной, полной, без остатка и окончательной смерти всех близких, меня самого и всего мироздания. Это вводило меня в состояние ступора, бросало в жар, била дрожь, я не мог жить при мысли, что **всё на свете и вся жизнь абсолютно конечны**, и, значит, не имеет смысла: как бы я ни жил, что бы я ни делал – я полностью без остатка исчезну! Я чувствовал себя падающим в какую-то тёмную бездну, из которой вытягивал себя последним усилием воли... После нескольких стрессовых «раздумий» я заставил себя не додумывать концы и начала. Тогда я не пришёл ни к каким выводам, только заставил себя не ввинчиваться в переживания конечного мрака – не додумывать до конца неизбежность всеобщего конца.

Через какое-то время окружающая жизнь увиделась иным взором. Наш дом населяли портовые рабочие. Однажды лет в десять я вышел в утренний летний двор, залитый солнцем, который вдруг представился отчуждёнными декорациями бессмысленной постановки. Всё было как всегда, но это-то и ужасало – каждый день отец и все вокруг целеустремлённо делали одно и то же: *пахали*, приходили с работы, наскоро ели, спешили что-то сделать по дому, выбегали во двор *забить козла* (сыграть в домино), выпить, побуянить, иногда подраться, их разнимали жёны, уводили и укладывали спать, затем они опять спешили на работу, чтобы вновь... Я понял, что все вокруг целеустремленно и энергично стремятся к какой-то цели, которую сами совершенно не сознают. А я осознал эту конечную цель – все бездумно наперегонки бежали к гробовой доске. Такая жизнь абсолютно бессмысленна и для меня невозможна, и *я так жить не буду*. Но как иначе, я не знал и даже не понимал, в какую сторону об этом думать. Меня тянуло размышлять на темы совершенно не практические. Мир бесконечен в космос, но и бесконечен вовнутрь. Значит, когда я бросаю камень, то сокрушаю тем самым бесконечное число галактик, в которых бесконечное множество таких же планет с живыми существами, и которые гибнут в результате моих действий. А там, в мироздании, играет в камушки какой-то космический мальчик, – для него миг игры, а для нас – эпохи: пока падает его камушек, в нём успевают народиться и погибнуть галактики, созвездия, планеты и цивилизации... Очевидно, у многих детей сильна спонтанная интуиция универсума и запредельного, но она забивается прагматикой мира взрослых. Я делился своими рассуждениями со старшим напарником по кочегарке, для меня безусловным авторитетом во всём, что касалось драк и девчонок, но на мои фантазии он крутил пальцем у виска.

Тогда мои думы не вели ни к каким оргвыводам. Но теперь я понимаю, что вся моя жизнь с ранних лет была поиском своего Отечества – земного и Небесного, которого нас лишили от рождения. Я должен был совершить волевой акт самоопределения и обрести утерянную Родину. Конечно, я только сейчас осознаю тот неосознанный, но непреодолимый зов, который выстраивал мою судьбу, – поиск цели и смысла жизни. В книге «Русский маятник» я описывал обретение Отечества земного, здесь же больше о поисках Отечества Небесного.

На службе в Военно-морском флоте при бесконечных шаганиях по плацу и стояниях часовым я выстраивал своё будущее, представлял его в образах и конкретных картинках, строил планы реализации поставленных целей. Я мечтал о неведомой жизни, о которой не мог узнать даже из книг, о близких и родных людях и отношениях с ними, которые не имели аналогов в жизни реальной, о занятиях, которыми я увлечён и отдаюсь им целиком, но каким – ещё не представлял... Надо сказать, что жизнь затем и выстроилась по тем вдохновениям. Жадно

читал – в краткое свободное время, которое остальные урывали для сна. Ну, что мог читать двадцатилетний матрос – сын дворничихи и грузчика? Брошюры общества «Знание» и газеты «Литературная», «За рубежом», в которых ещё звучали отголоски живых диспутов шестидесятых. Жадно искал своё родное. Сначала показалось, что это политэкономия, но, законспектировав множество работ, понял – не то. Ближе всего – философия, но только по какому-то неуловимому духу, ибо содержание марксистско-ленинской философии (а другой в стране и у меня – не было и не могло быть) – как-то слишком холодно и выхолощено. Но грыз упорно. Это самообразование позволило подготовиться и поступить на подготовительное отделение (*рабфак*) философского факультета МГУ.

Делился своими мечтаниями с друзьями, которые дошли до МГУ: Коля Якутин – до факультета экономической кибернетики, Володя Кудрявцев со мной на философский, где и доцентичает на славу. Через несколько месяцев службы составил для себя план и направления самосозидания.

10.1969

- 1. Наметить, что нужно (грубо по вопросам) – до конца 1969 года.*
- 2. Рассмотреть, разбить по пунктам – до конца 1969.*
- 3. Составить систему для изучения и выполнения – март 1970.*
- 4. Литература по этим вопросам – 1969 г. – май 1972 г.*
- 5. Организовать своё время для изучения – март-апрель 1970.*
- 6. Изучать, применяя элементы НОТ – 1970 – май 1972.*
- 7. Регулярно контролировать себя по выполнению (строго по системе) – 1970 – май 1972.*

10.1069

- 1. Характер.*
- 2. Речь (риторика).*
- 3. Литература.*
- 4. Искусство.*
- 5. Основы философии.*
- 6. Основы политэкономии.*
- 7. Предметы для училища (я ещё собирался защитить диплом мореходки).*
- 8. Предметы для университета.*
- 9. Периодическая печать.*
- 10. Основы права.*
- 11. Английский язык (особо от училища).*
- 12. Религия.*
- 13. Психология.*
- 14. НОТ (научная организация труда).*
- 15. Логика.*
- 17. Стенография.*
- 18. Предметы для школы (во время службы окончил вечернюю школу – на случай, если не закончу училища).*
- 19. Международные отношения.*

Поскольку предмет изучения «совершенствование собственного характера» был обозначен под номером первым, он пользовался особой заботой.

Драматическая пропедевтика

Только в Москве в двадцать три года я впервые испытал острейшее чувство возвращения на подлинную Родину: родился в глухой белорусской деревне, с пяти лет жил в Риге, учился в мореходке, ходил на разных флотах по разным странам, служил на Балтийском флоте. Всё прежнее было скитальчеством по чужим краям – и духовным, и пространственным, и только сейчас я ощущаю своё – родное. Это как возврат в материнскую утробу, которую не помнишь, но которую генетически знаешь. В студенческом общежитии философского факультета МГУ впервые в жизни (надо сказать – и в последний раз) каждый день я просыпался с ощущением счастья. Хотя это были только самые первые шаги. Некоторые осмысления происходящего записал.

10.01.72

Что необходимо, чтобы человек мог добиться задуманного?

– Сила воли.

– Здоровые моральные качества.

– Развитый интеллект.

Которые позволяют:

– усвоить знания основ, теории;

– понять действительность вокруг себя, сложившуюся ситуацию;

– выработать навыки, умение применять знания на практике.

Я считал себя убеждённым коммунистом (что-то вроде еврокоммуниста – по-другому я не мог себя сознавать, ибо другого мировоззрения в огромной стране и в помине не было), но считал, что верную теорию неверно строят. Поэтому решил получить образование на отделении научного коммунизма и стать генеральным секретарём ЦК КПСС, – чтобы наконец строить «настоящий» коммунизм. В выходные дни, когда друзья гоняли в футбол, я штудировал классиков. Многое уже начинало вызывать сомнения.

9.06.73

Зачастую ненормальные отклонения от провозглашённых принципов мы склонны объяснять «чужацеством», конкретным извращением конкретной личности или привыкаем к этому и со временем вообще не замечаем ненормальностей. Более того, даже видя их, выдумываем несуществующие, но поверхностно-убедительные оправдания, а то и просто лицемерим, самообманываясь и обманывая других. А они, может быть, являются симптомами болезни всего общественного организма.

30.06.73

В литературе ненормально много конъюнктурно-деляческого, спекулятивно-псевдонародного. Критика? Больше поверхностное скакание. У основной массы пишущих больше не истинного патриотизма, а бездумного ура-патриотического пафоса.

30.06.73

Историческое развитие в борьбе противоположностей добра и зла, нового и старого... Но кроме уяснения себе неизбежности и объективности процесса, кроме его беспристрастного изучения необходимо чувство причастности. Необходимо понять, что объективный ход событий в конечном счёте является творением людей. Необходимо найти и своё место в этом процессе. Необходимо с мудрым видением хода истории

чётко определить своё место в ней: носителем каких идей, какой из тех противоположностей в конечном счёте окажешься ты.

Нынешние поколения, к счастью, уже мало сознают, насколько ложным мировоззрением нас пичкали с детства, насколько прочны были завесы, перекрывавшие доступ к главным ценностям жизни: к вере в Бога, к реальной истории своего Отечества, к подлинным идеалам и ценностям... До августа 1991 года во всех вузах страны все выпускники на всех специальностях второй госэкзамен сдавали по научному коммунизму – квинтэссенции коммунистической идеологии. Кому в жизни понадобился этот маразм, который испарился в 1991 году?! Все научные коммунисты мигом превратились в политологов, исторические материалисты – в социологов, диалектические материалисты – в метафизиков, научные атеисты – в религиоведов. Кстати, до конца восьмидесятых годов Книга Книг – Библия – была запрещена к продаже даже в храмах... Десятилетиями патологические коммунистические абстракции, не имеющие никакого отношения к реальности, вбивали в головы всех жителей СССР (с большей или меньшей интенсивностью – во всех коммунистических странах). Потому они и испарилась вмиг в 1991 году безо всякого насилия. Но скольким они запудрили мозги?! А скольких соблазнили участвовать в идеологической вакханалии?! При поступлении на философский факультет МГУ нам сразу объяснили, что это идеологический факультет. Соответственно, кто поумнее – шли на отделение философии, а кто попроще – нацеливались на партийно-государственную карьеру и шли на отделение научного коммунизма. Хотя и на философском отделении собственно философию можно было изучать только на кафедре зарубежной философии. Остальные кафедры назывались: диалектического материализма, исторического материализма, истории марксистско-ленинской философии, марксистско-ленинской этики, марксистско-ленинской эстетики, научного атеизма. На кафедре философии народов СССР великая русская философия полностью отсутствовала, изучались только «философы»-материалисты-атеисты. Показателен вопрос на экзамене по философии: «*Устройство глаза по Сеченову*». Конечно, абсурдность «единственно верного учения» большинство признавало. С нами делились старшекурсники: «*Что такое марксистская философия? – Это когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку. Что такое марксистско-ленинская философия? – Когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку, заранее зная, что её там нет. Что такое научный коммунизм? – Это когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку, заранее зная, что её там нет, и каждые пять минут кричат: ура, поймали*». Детишки, конечно, изначально реагировали на пропаганду адекватно. Рассказывали, что дети периодически спрашивали: «*А кто такой Слава КПСС? Почему о нём везде пишут?*» Мою маленькую дочь я вёз на такси с её подругой, Варюша, увидев пятиэтажный плакат с Марксом – Энгельсом – Лениным, возопила: «*Смотри, смотри, Достоевский, Толстой, Ленин*».

Марксистская пропедевтика скоро закончилась – не без помощи добрых людей. Мой двоюродный дядя (двоюродный брат моей мамы) – **протоирей Аркадий Станько**, впоследствии строитель и настоятель Казанского собора на Красной площади – не только создавал храмы, но и строил наши души. Вечная ему память! В 1944 году юношей дядя, как и моя мама, был угнан на принудительные работы в Германию, где дал обет: если останется жив, посвятить свою жизнь священнослужению.

При первой встрече на Светлой Седмице в 1973 году после праздничного угощения в его маленьком кабинете он завёл разговор: *ну, философ, рассказывай*. Я с энтузиазмом объяснил, как мы будем *правильно строить коммунизм*. Мудрый пастырь не стал спорить с упрямым, положил руку на Библию и спросил: *с этим что будете делать в вашем коммунизме?* На что я самоуверенно ответил, что *этот памятник мировой культуры, конечно же, будем учитывать при строительстве коммунизма*. Дядя подарил мне Библию с одним советом: начать чтение с Нового Завета, а только затем приступить к Старому. Современные поколения уже не знают,

что Книга Книг тогда не продавалась даже в храмах, светскому человеку с нею можно было познакомиться только по допуску в спецхране Ленинской библиотеки.

Господи, я был сокрушён сразу. Прежде всего, меня поразило, что, оказывается, множество выражений из Библии пронизывают всю нашу атеистическую жизнь. Только затем открывались глубинные смыслы. Но образ Спасителя пленил. Так началось для меня возвращение на духовную Родину. Отец Аркадий заботился обо мне – одаривал подарками, при встречах наделял значительной для моей семьи с тремя детьми суммой. Иногда принимал у себя в квартире на Юго-Западе с неизменной рюмкой коньяка и многочасовыми беседами. Дядя потрясающе рассказывал о своей колоритной учёбе в Жировицкой семинарии в Западной Белоруссии, которая была присоединена к СССР в 1939 году, и потому там храмы не закрывались – религиозная традиция и жизненный уклад сохранились. Этим объяснялось множество священников из Западной Украины и Западной Белоруссии в московских храмах. У дяди на этот счёт была своя теория: *«Мы – западники – кожа, предохраняем российский организм от внешней агрессивной среды и заразы»*.

Однажды я был приглашён на пятидесятилетие отца Аркадия. За столом собрались именитые московские протоиереи, секретарь патриарха отец Матфей вручил орден Святого Владимира. Когда дядя предоставил слово мне – *студенту-философу*, некоторые мои слова вызвали оторопь в почтенном обществе: *«Я уверен, что скоро в храме напротив вашего дома, дядя, зазвонят колокола»*. Говорилось о полуразрушенном здании, в котором был склад. В год тысячелетия Крещения Руси я инициировал открытие храма Михаила Архангела на Юго-Западе.

При окончании МГУ дядя предложил: *«Поступай в Московскую семинарию, я дам рекомендацию, а через некоторое время рукоположим в священники»*. После моего отказа дядя был в шоке и спросил, кем же я собираюсь быть. Я сказал: *философом*. Дядя-священник озадачен: *«Что это такое и чем ты будешь заниматься? Я вот тоже богослов – кандидат богословия – но это же не профессия?»* Мои огорчённые родители (после бегства от коллективизации в западно-белорусской деревне папа – грузчик в морском торговом порту, мама – дворник, оба с четырёхклассным образованием), уже видевшие меня устроенным в жизни батюшкой, тоже много лет спрашивали: *«Сын мой, что это за работа – философия, и чем ты там занимаешься?»*

В Москве огромную роль в моей жизни играют женщины. Первой помогла с самоопределением моя юная жена **Ляля Андреева** – в 1974 году, после окончания первого курса МГУ, я женился. Она стала для меня духовно-нравственным идеалом, к которому я стремился. Московская барышня – играла на *фортепиано*, в отличие от меня знала музыку, литературу, уже читала Платона. . . А я ещё мог в споре выпалить: *Ленина не трогай!* Она старалась не спорить, а терпеливо разговаривала. Только любящее сердце способно было подсказать, как помочь вырвать провинциальному увальню, задвинутому на коммунизме. Через несколько лет уже я определял наш духовный путь. Только два раза Ляля задала вопрос: *зачем это тебе надо?* Первый раз – на моё предложение ходить в храм. Я решился на это по зову души, не очень обдумывая, но надо было что-то отвечать, и я сказал: *«Не могу же я считать себя христианским философом и не ходить в храм»*. Каждого свои бесы удерживают от вхождения в Церковь, и у каждого индивидуальный путь борений на пути к Богу. В следующий раз Ляля повторила этот вопрос через несколько лет, когда я окунулся в религиозный и политический самиздат. Я ответил что-то вроде: *сам получил многое от этих книг и хочу с другими поделиться*. Начался очень трудный для близких период моей общественной активности, но Лялечка терпела и была добрым, мудрым, верным другом.

Невольными вдохновителями были и малыши Варюша и Федюша: переполненность любовью и заботой о них изливалась и творчески, – этюд о любви я писал, когда Варенька в пелёнках посапывала между моих рук в ящике стола. Жили материально очень трудно. Ляля работала на дому – ретушировала слайды произведений художников для издательства «Искус-

ство», училась на вечернем отделении философского факультета МГУ. Я учился на дневном и работал на нескольких работах (ночным комендантом в МГУ, учителем в вечерней школе, в стройотрядах). При полной нужде с болью залезал в книжный шкаф и относил в букинистический. Бабушек-нянек не было: жили отдельно, навещали редко. Ляля была заядлым *стуном* – спала очень крепко и долго. Я же сплю очень чутко и вставал ночью к детям; чтобы не проснуться окончательно (потом трудно уснуть), делал всё на автомате, в полудрёме. По сигналу малыша вскакивал, нёс в ванную, подмывал, кутал, укладывал и досыпал своё. Когда через год после Вари родился Федя, я, подмывая его, стал просыпаться, ибо натренированному движению руки что-то сопротивлялось – не смывалось; обнаруживал, что пытаюсь смыть мужские достоинства. Когда в день восемнадцатилетия я рассказал эту историю Феде, он ответил: *папа, спасибо, что не смыл.*

Другая забавная история, характеризующая нашу семейную жизнь. Я буквально воспринял сентенцию Лялиной бабы Кати: *для интеллигентного человека носить заплаты благородно.* Более того, я и заплатами не особенно озабочивался и ходил дома в рванье. Когда поутру нужно было сбегать в универсам, сбросил халат, набросил на обнажёнку рваные джинсы, решив, что плащ сверху всё прикроет. В то время овощное-фруктовое изобилие длилось только месяц-полтора осенью. Я пропихивал сквозь толпу коляску с Варенькой к контейнерам и набивал авоськи нужным продуктом. По дороге домой наклонился к коляске, чтобы поправить соску, и почувствовал какой-то дискомфорт сзади. Положил руку на... о ужас!.. голый зад, – полы плаща разъехались, обнажив всё; я тут же вспомнил, как неоднократно наклонялся к низким контейнерам в универсаме... Остолбенел, представил впечатления покупателей о молодом затырканном отце, дальше еле передвигал ноги, – казалось, из каждого окна вокруг смотрят на меня...

Духовная мама

По жизни деликатно вела милая **Майя Захаровна Дукаревич**. Моего бесценного друга я называл своей духовной матерью – она во многом помогла самоопределиться в жизни. Познакомился с ней в 1972 году, когда учился на рабфаке философского факультета МГУ и активно влезал во всё интересное. Доцент кафедры эстетики Елена Андреевна организовала исследование на предмет выявления корреляции уровня культуры, образования и эстетического восприятия; главный вопрос исследования: от чего больше зависит эстетическое восприятие человека – от воспитания и образования или от природных данных. На первом этапе контингенту от рабфаковцев до аспирантов предлагали тесты по выявлению эстетического восприятия. На втором этапе Майя Захаровна подвергала испытуемого обойме разнообразных психологических тестов, включая прожективные тесты Роршаха и «ТАТ», – я первым и оказался подопытным. Тогда это было совсем внове. После тестирования Майя Захаровна рассказала мне всё обо мне. Привожу свою краткую запись её двухчасового изложения показаний тестов:

Интуитивный, чёткий интеллект. Способность понять явление, определить его лицо без разложения на составляющие и анализа деталей. Главное желание – сразу понять явление в целом, без детализации. Затем уже на готовый каркас (систему) навешивает факты. Факты сами по себе интересуют мало. При необходимости, например для доказательства явления, способен его разложить на составляющие и проанализировать.

Сильно развито художественное восприятие и художественное чутье. Резкое и удачное сочетание чёткого, направленного интеллекта и высокого художественного восприятия.

Доминантен, но не стремится к лидерству как самоцели. Обладает сильной энергией. Это в сочетании с другими качествами выделяет из окружения. Тип лидера, хотя лидерство получается как бы нечаянно. Желания выдвинуться любой ценой, за счёт других – не проявляет.

Решения часто может принимать под влиянием эмоций, внутренних переживаний. В этом случае ослабляется контроль интеллекта, и решение может быть зачастую неверным. Трудно отключиться от своих желаний, эмоций, взглядов для объективной оценки явления. Чем больше явление затрагивает лично самого, тем труднее быть объективным. Не приходит в голову проверить решение, раз приняв что-то – не сомневается. Только в спокойном состоянии способен перерешить. Или нужно резкое сильное указание на ошибки извне. Но не упрям, не упорствует, если контрдоводы вески, в этом случае способен переосмыслить явление и перерешить.

В теории – некоторая прямолинейность. Цель взята, и ход к ней идёт без контроля. Принятые решения не всегда проверяются.

Сложившийся характер. Сильно выраженный мужской психологический облик. Но не тип довлеющий, подчиняющий женщину, а тип «рыцаря». Не подавляя, старается вести осторожно и защищать. Сильна потребность в защите нуждающихся и слабых, в помощи им (слабым, женщинам, детям). Это даёт возможность чувствовать себя сильным мужчиной.

Круг интересов широк, но больший интерес проявляет к теоретическим областям. Интерес направлен: 1) сфера социальных явлений – человек, отношения, коммуникации, исторический процесс; 2) сфера науки; 3) сфера искусства. В сфере искусств ищет информацию, а потом сопереживает, не цель, а средство. По интересам на третьем месте, но потенциальные

способности в этой области высоки. Хорошо владеет языком (гибкий, образный, лаконичный). Но запас слов мал. По этой причине язык теряет яркость и действенность.

Уровень социализации: степень усвоения принятых моральных, нравственных, правовых норм – довольно высок. Но из-за своеобразного мышления и восприятия кое-что не прочувствовано и не принято безоговорочно. То есть, когда действует осознанно, действие контролируется интеллектом – поступает верно, в соответствии с принятыми нормами. В состоянии же волнения, когда всё происходит подсознательно, возможно выпадение критериев (то есть нормы, критерии автоматически не усвоены).

По складу характера не конформист. Направленность в сторону индивидуализации. Не удовлетворяет то, что представляется готовым, и в социальной жизни, и в науке. Эгоцентрист, но не эгоист. Сильно внутреннее «я». Установка: не «какова жизнь и где моё место в ней», а – «я – в центре, я таков, и каков же мир вокруг меня». Самостоятелен, но не агрессивен.

Сознательные установки в минуты волнения могут полететь. Хотя способность сопереживания большая (в обычном состоянии сильно равнодушен к мнениям, чувствам, переживаниям окружающих), в момент волнения это отпадает (не способен понять побуждения, чувства, желания другого). Опасность в момент волнения невольного желания «поднять» другого и сделать по-своему, не считаясь с людьми. В минуты волнения теряет собранность и контроль над внешними функциями организма. Моторика выходит из-под повиновения. Если в спокойном состоянии очень внешне собран, говорит точно и экономно, то в таком состоянии многословен (повторяется), нетерпелив, нарушается чёткость мысли и словесный багаж, повышается голос.

В особенности характера недостаточный учёт и понимание людей, недостаточная чёткость (в основном в сфере контактов и отношений). В силу особенностей характера способности в этом направлении уменьшены по сравнению с возможностями интеллекта.

Иногда проявляет некоторый отлёт от реальности и фантазирование. Но это не характерно.

Немного преувеличенная способность преувеличивать значение ошибки, срыва деятельности. Неудачи бывают редко, но, если это случается, стремится искать причины не в стечении внешних обстоятельств, а в самом себе (некоторое самокопание). В такие минуты начинаются скованность, тревога.

Иногда разбросанность в мыслях и не совсем ровная работа мысли (сочетаются периоды активной работы мозга с минутами пассивного мышления). Бывают периоды повышенной раздражительности (подвижный порог раздражительности). В такие минуты раздражителен, брюзглив, навязчив. Раздражают порой самые несущественные мелочи окружения. Выход – проверка на интеллект, все свои функции контролировать разумом. Хотя в общем сильная натура, способен работать долго и напряженно, но в связи с последствиями перенесённого в детстве, иногда порог сопротивляемости понижается. Это бывает редко, этому не следует уделять слишком много внимания, но об этом нужно помнить. В такие минуты перенапряжения необходима приостановка, смена деятельности,

отдых. Необходим ритмичный распорядок (сон, приём пищи, отдых, работа – всё вовремя).

Сексуально очень чувствительная натура. Отношение к женщине чётко определено сознанием и чувствами. Существуют притягательные женские образы, созданные сознанием и чувствами.

Неравнодушен при контактах с женщинами вообще и в любой обстановке. Чувствителен в этом направлении во всём: от сферы сознания, чувств, до поверхности тела.

Я самоуверенно не принял некоторые её характеристики, ибо они не соответствовали моим представлениям о себе и о своих жизненных задачах. Был уверен, что успешен в общественной работе, ибо всегда был активистом, и не имею шансов в теоретических областях, в науке, ибо всегда учился так себе. Майя Захаровна объясняла, что до сих пор я ещё не сталкивался с областями, которые мне могут быть подлинно интересны, а учился слабо потому, что изучаемые предметы мало интересовали. Жизнь впоследствии подтвердила правоту мудрого психолога.

Мы подружились, и милая Майя Захаровна деликатно повела меня по жизни. Она не спорила с коммунистическими завиральнями и ненавязчиво правила моё искорёженное идеологией мировоззрение. Знакомила с московскими домами, музеями, художественными мастерскими, невзначай давала книги. Московский человеческий тип оказался для меня родным, и много добрых людей помогло мне в тот светлый период. На одном из гостеваний я сидел в углу букой, закомплексованный слишком умными для меня разговорами, но выглядел, будто думаю о чём-то важном. Её подруга спросила: *что за молодой человек с тобой? Услышал: звезда приёма в МГУ этого года.* Но не поверил, ибо рот не мог открыться и мало что понимал. В общем, с большинством из сказанного Майей Захаровной не соглашался, но двигался, как оказывалось, по её направлениям. Первый мой Новый год в Москве встречали вдвоём в её квартирке. Майечка много балагурила, шутливо и смешно поздравляла по случайно набранному телефону незнакомых людей – все отвечали удивительно по-доброму. Конечно же, мы с ней говорили о главном, позже я осознал, насколько судьбоносной была для меня та новогодняя ночь.

Майя Захаровна первой подвергла сомнению мои коммунистические убеждения: *«Не кажется ли тебе, что коммунизм – это горизонт, который отдаляется по мере попыток приблизиться к нему?»* Мне, конечно, не казалось, а казалось, что психолог ничего не понимает в философии. Но в результате размышлений после второго курса я поступил не на отделение научного коммунизма, куда собирался, а на отделение философии. Её добрые советы несколько раз помогали разрешить важные жизненные проблемы. Когда у меня был мучительный выбор: остаться или уйти от любимого человека, она направила к решению: *представь, сможешь ли ты прожить жизнь без или всю жизнь с этим человеком...* Когда совершил непотребное, она мягко задала категорический императив: *тебе это нельзя...*

Учился у Майечки не только уму-разуму – она являла живой лик праведницы. Её отца – заместителя Орджоникидзе – расстреляли в 1937 году. Мать умерла через полгода. Воспитанная тремя боннами, говорящими на трёх языках, Майечка внезапно оказалась круглой сиротой на воспитании у дальних родственников. Окончила филологический факультет МГУ. Знала многие европейские языки, в пятидесятые годы перевела по заказу несколько работ зарубежных психологов, заинтересовалась, стала запоем читать, превратилась в единственного в стране специалиста по направлениям психологии, которые у нас числились *лженаукой* (наряду с кибернетикой и генетикой): Фрейд, Юнг, психоанализ, прожективные тесты Роршаха... Стала выдающимся психологом и психотерапевтом. Читала много лекций, воспитала плеяду успешных профессионалов, писала множество статей, которые публиковались под фамилиями её учеников или начальников, лечила множество больных, без конца консультировала по телефону нуждающихся, пестовала бедствующих старушек и заблудших молодых людей. Ни за

что платы не брала принципиально. Была разработчиком концепции и одним из организаторов первого в стране суицидологического центра, оставаясь при этом на должности лаборанта. Жила добровольно на грани нищеты: только самое необходимое, из еды – варёная в мундирах картошка, макароны, майонез, любимая ливерная колбаса, что подороже – для неё *несъедобно*. В маленькой квартирке, забитой книгами и игрушками-медведями, постоянно жил кто-то из спасаемых ею. Спасаемых в буквальном смысле: жили у неё и те, кого она выхаживала после попытки самоубийства. Всех выправляла, поддерживала в творчестве, как-то пристраивала в жизни, используя бесконечный ресурс своей доброты и привлекая, когда надо, кого-либо из множества её друзей. Во всём – неповторимая атмосфера подлинных ценностей, истинных отношений. Для меня были бесценны импровизированные семинары в её квартирке: маленькая Майя Захаровна выглядела величественной в алюминиевом раскладном кресле с протёртым пледом.

Как и предвидела Майя Захаровна, я естественным ходом внутренних событий уходил от функционерства в философствование.

14.09.73

Прекратить действовать. Наука, наука и ещё раз наука. Только здесь я имею шанс найти себя. Зачем лезть туда, где можно добиться конкретных результатов и нельзя добиться результатов в итоге. Каждая победа потребует колоссально много энергии, времени, а результат окажется промелькнувшим явлением. Я не согласен с официальным мнением, т. к. где начинается это согласие (соглашательство), кончается наука. Вооружиться знаниями, разобраться в действительности, и только затем попытка решения стоящих задач на совершенно ином уровне. Но практика и теория неразделимы. Одно из другого, одно дополняет другое. Нужно стремиться не скатываться к голому практицизму. Но это не значит, что из-за боязни крайностей нужно отречься вовсе от практической деятельности. Главное – подчинить каждодневную деятельность высшему обобщению, познанию, научению.

К третьему курсу занятий философией я пришёл к вере. Естественно, в первую очередь поделился заветным с Майей Захаровной. С этого начался драматический период наших отношений. Майя Захаровна заявила: «Слово “Бог” – самое кровавое в истории, что это всё – предрассудки и самообман». В религиозной теме ей отказывало её здравомыслие. Никогда ни до, ни после мы так яростно не спорили, с ором с обеих сторон, с киданием стульев об пол. Никакие мои аргументы не действовали. До оскорблений не доходило, но душа болела: как же так, она меня вывела на путь, который привёл к Богу, а сама находится в таком ослеплении.

Но невозможное человеку – возможно Богу. Однажды она позвонила и попросила срочно приехать для важного разговора. В своём «троне» умиротворённая Майя Захаровна сказала: «Со мной произошло очень важное событие». Близкая подруга попросила срочно встретиться с её сыном, у которого обнаружила записку с рассуждениями о самоубийстве: мальчик в подростковом возрасте с недоразвитой от рождения правой рукой столкнулся с подростковой жестокостью. Несколько бесед с Майей Захаровной вывели его из депрессии и переориентировали его приоритеты. Молодой человек понял, что его физический недостаток компенсирован присущими ему талантами, которые он и стал развивать. Много читал, раздумывал о главных вопросах жизни и... пришёл к логическому итогу глубоких размышлений – к вере в Бога. Естественно, он захотел поделиться приобретённым с Майей Захаровной и предложил ей послушать его *первую религиозную проповедь*. Майя Захаровна рассказывала: «Я начала слушать профессионально – только для того, чтобы определить диагноз психической болезни. Вскоре я поняла, что он совершенно здоров. Когда я это поняла, то стала слушать содержа-

ние его проповеди. Когда же вслушалась, то многое произвело на меня сильнейшее впечатление, и о многом я задумалась впервые. Когда же после его отъезда я долго размышляла об услышанном, поняла, что давно верю в Бога, хотя и не сознавала этого. Я хочу креститься». Вот так: явился мальчик и мановением руки разрушил стены, которые я не мог преодолеть долгое время. Майю Захаровну крестил мой дядя протоиерей Аркадий Станько под именем Мария, крестным отцом стал спасённый ею и спасший её молодой человек, а крестной матерью – моя жена Ляля.

Когда началась эпоха перемен и моя общественно-политическая деятельность, мы встречались редко, но всякий раз очень значимо для меня. Я видел её бесконечные хлопоты с пациентами, она с энтузиазмом рассказывала о своём клубе для одиноких людей «Свеча». Жалею о том, что не помог ей побольше в тогдашних её инициативах. Последние годы её угасания было тяжело видеть страдания, вместе с тем при встречах она умела радовать неизбывной своей добротой и мудростью. До последних дней, даже лёжа в больнице под капельницей, она консультировала и утешала людей, которые попадались ей – и врачей, и соседок. Поэтому было такое ощущение, что она не уходит, что мы ещё долго будем вместе. Но теперь уже не здесь.

Ляля о Майе

«**Майя и Виктор**» – так я назвал бы раздел из новой книги Ляли Андреевой, ныне замечательно талантливого писателя. Удивительная магия художественного слова: с одной стороны, ничем не отличается от действительности, с другой же – захватывает.

Майя была психологом и общалась в основном с теми, кто нуждался в её помощи. В лице молодого студента философского факультета Виктора она нашла друга. Он не нуждался в её помощи, но нуждался в её восхищении, в напутствии, в любви. Майе нравилось видеть его цветение, его жажду жизни, талантливость. Он вселял в неё оптимизм, поддерживал в ней ощущение большого смысла. Чем только не готовы пожертвовать за это женщины. Молодостью, детьми, собственным талантом, счастьем. Рядом с любым поэтом (можно подставить любую профессию или даже неопределённые обещания) **находится не только преданная подруга, но и несколько соискательниц.**

Виктора она выловила, апробируя обойму тестов на студентах философского факультета МГУ. Студентам интересно, а психологической науке – польза. Тесты показали, что у Виктора «тип мышления гения» и что «в обществе его сильная позиция – неформальный лидер». В то время он был и формальным лидером – партгором своего курса на философском факультете. Он планировал изменить социалистический строй изнутри.

По убеждению Майи, лидер нуждался в некотором перевоспитании и корректировке жизненных целей, и Майя дала ему «Архипелаг ГУЛАГ». Вопрос о человеческом лице коммунизма был решён раз и навсегда. Подопечный изменил свой вектор и стал стремительно и разносторонне развиваться.

Целый год Майя наслаждалась своим сокровищем, планируя его будущее. Но однажды Виктор привёл в крохотную квартирку на одиннадцатом этаже невообразимого дома «гостиничного типа» девицу. Девушке было восемнадцать лет, образование у неё было аж десять классов обычной московской школы. Она была близорука, косолапа, в белых гольфах и с сигаретой в руке. Нервно куря, девушка вела себя застенчиво до бравады. Ещё бы – ведь она шла к самой умной и проницательной Кассандре в Москве. К той, кто при помощи тестов и редкой интуиции прозревает прошлое и будущее. А вы бы не испугались? Тем более что коротенькое прошлое у девушки было запутанным, а будущее – туманным.

Конечно, Майя знала, что будущий лидер проявляет повышенный интерес к девицам. На этот случай у неё было много утешительных терминов – гормоны – либидо – фертильность. Но не такую девушку Майечка желала видеть на постоянном месте около своего красавца. Она так огорчилась, что даже нарушила свои психотерапевтические принципы и позвонила потом Виктору: «Зачем тебе эта истеричка?»

В университете было два факультета первоклассных невест – филологический и искусствоведческий. Вообще, было полно образованных, вменяемых и обеспеченных девиц со всей страны. Выбор Виктора выглядел случайным, нелогичным в плане его победоносной судьбы. Конечно, лучше было бы для Майи, если бы она сама нашла единственную и правильную. Так она чувствовала бы меньше ревности. Да, ревность – чувство иррациональное. Несмотря на двадцатичетырёхлетнюю разницу в возрасте и другие непреодолимые преграды, между ней и учеником были особые отношения, и ни одно слово русского языка их не назовёт точно.

Между тем неподходящая девушка не исчезала. Мало того, через короткое время Виктор на ней женился. Но Майя была великим человеком и поступила как великий человек. Она решила поверить Виктору и полюбить его жену. Больше никаких тестов она ей не предлагала и оценок не давала. Ценила каждое появление пары и щедро, как всегда, учила. Давала книги. И не только самиздат.

Майю утешило то, что семейная жизнь не стала обычным пленом для молодого философа. Его мысли находили отклик. Его планы – поддержку. Жена стала слушателем, союзником, редактором. Диссидентски настроенная тёща тоже поддержала, когда нависла угроза посадки: «Борись, я детей не брошу». Конечно, Майю огорчало, что блестящая официальная карьера не состоялась, но кто в конце концов давал «Архипелаг»?

Подряд появилось на свет двое детей. Майя была бездетна и жила в царстве разума. Поэтому бессловесные дети вызывали у неё оторопь. Она нелепо, на вытянутых руках держала мальчика над письменным столом, пока молодая мать бегала на кухню за пелёнкой и кашей. Гордость новенького отца была ей не очень понятна. Майежкины представления о детях и советы, которые она давала, были фантастическими. Когда подросшие дети начали драться, как две обезьяны, Майежка настаивала на том, что на них нужно действовать только убеждением, взывать, так сказать, к их разуму. Да, но сначала пришлось бы их разнять, и связать, что ли...

Появившиеся у малышей проблески рассудка позволили Майе наладить с ними хоть какую-то связь. Это было нелегко. Они не были еврейскими вундеркиндами и не были подростками, нуждающимися в психологической помощи, к каким она привыкла. Это были здоровые, шумные дети, предпочитающие улицу всякому виду теоретического знания. Словом, они были очень далеки от Майежкиных понятий о детях. Но она не была бы собой, если бы не увеличила для них ковчег своей души и не приняла их на борт. Она полюбила их, каждого в отдельности. Полюбила, любя их отца, полюбила по убеждению, приложив усилия, но настоящей любовью. Как это возможно? Для неё – возможно.

Может сложиться впечатление, что Майя заполняла этими отношениями какую-то пустоту. Нет, она была всегда наполнена... Майя не была одинока, вернее, не бывала никогда одна. У неё в единственной комнате, как в кризисном стационаре, жили люди, пережившие разные драмы. Сама она спала на кухне в продавленном кресле-кровати. Денег она ни с кого не брала, за дорогой подарок поссорилась с друзьями. Сама же дарила самое драгоценное и любимое. На работе Майя числилась лаборанткой, хотя другим написала несколько диссертаций.

Майя получила причудливое, но крепко склеенное мировоззрение. Дочь могущественного заместителя министра воспитывалась гувернантками и читала романы и стихи, те же самые, что и гимназистки предыдущих поколений – например, её мать. Христианский аскетизм она впитала от папы-коммуниста, не бывшего ни христианином, ни аскетом. Веру в улучшение рода человеческого путём просвещения она впитала из русского воздуха, пропитанного флюидами энциклопедистов. Веру в человеческую свободу как в святыню дал ей страшный опыт детства и опыт её поколения. Безусловная решимость служить **другому** до последнего вздоха – её собственный выбор. И она служила буквально до последнего вздоха – утешала старуху на соседней каталке в больничном коридоре. Убеждение, что любовь – не только чувство, но и долг человека, создало её, склеило такие разнородные части её души в нерасторжимое целое.

Как ухватить её внутренний нерв, как обозначить её главное, её глубинное побуждение? Пожалуй, прежде всего Майя была борец с отчаянием и безысходностью, которых было слишком много в её жизни. Виктор, наверное, появился тогда, когда силы её были на исходе. Он был для неё подарком, источником сил и жизни.

Виктор не порадовал Майю ровной научной карьерой. Траектория его жизни скорее напоминала путь шаровой молнии. Ну что же, она сама открыла ему глаза на происходящее в стране... Да и вся её жизнь показала, что она ценила не официальную карьеру, а внутренний рост.

Не природа создала Майю такой, какой она стала, она сама, её молодые друзья и не могли знать, какой она была от природы – может быть, у неё был мягкий характер и доверчивое сердце, крушения не оставили и атома от неё прежней. Но гуманистических убеждений, даже

аксиом бедствия не вышибли из её головы, наоборот, они засели в ней ещё крепче. Поступая по убеждению, она разворачивала и душу.

Я прочла однажды, что любовь библейская отличается от всех, скажем, шести видов любви в греческом понимании своим деятельным характером, активным принятием... *«Исаак ввёл Ревекку в шатер Сарры, своей матери, и Ревекка стала его женой. Он полюбил её. Так Исаак нашёл утешение после смерти матери»*. Это совсем другое «полюбил», чем то, к которому мы привыкли. Это не «солнечный удар», это труд принятия. Принял одну и утешился в потере другой. Как плотно эти библейские люди прижаты друг к другу. Как плодovitы и как плодотворны были они.

Майина любовь была библейской любовью – деятельной, устремлённой в будущее. Тот, кто однажды входил в чертог её благородного сердца, навсегда там оставался. Можно было пропасть на год, потом появиться ночью и встретить её карие глаза, полные безраздельного внимания. Когда она говорила с тобой, **для неё существовал только ты**.

Виктора же она приняла в свою душу безо всяких усилий, как подарок. Но хранить ему верность на всех поворотах его судьбы – тут потребовался весь её человеческий гений. Он же влил в неё силы, укрепил в ней смысл и остался для неё по большому счёту единственным.

Ляля о нас

Вся жизнь впереди

После трудной сессии я попала в больницу «на сохранение» за месяц до родов. В больнице всё было нельзя. Нельзя вязать, нельзя надевать шерстяные носки (в шерсти полно микробов). Нельзя читать книги (их трогали заразные). Нельзя встречаться с родными (на них – сплошная инфекция!). Нельзя разговаривать с соседками (они вам такого понараскажут, кровотечение начнётся). Можно было есть и лежать. Еды давали много, да ещё контрабандные передачи через окно. Со всех окон четвёртого этажа свисали бинты для поднятия сеток с едой. Очередь за компотом была единственным развлечением в этом пузатом царстве: *«Пропустите меня, я беременная!»* Можно было позвонить по телефону из автомата на лестничной клетке. В очереди было что послушать. *«Птиц, ты ел? А что ел? Птиц, ты сосиски ел? Птиц, ты по мне скуцаешь? Ты что, не один? А кто это там у тебя разговаривает?»*

Я мечтала, как у меня родится мальчик, крупный, сильный, как уверяли акушерки. Я мечтала, как муж будет его любить, как он будет играть в солдатики на ковре, а я буду читать книжечку, сидя в кресле-качалке. Братьев у меня не было, и сведения о мальчиках я почерпнула из книжки «Приключения маленького лорда Фаунтлероя».

Меня навещали, я высовывалась в окно, завернувшись в одеяло, и смотрела вниз близорукими глазами. И вот, ко мне пришла бабушка. Она привязала к марлевой ленте пакетик с едой и письмецом, потом долго смотрела на меня молча, потом махнула мне варежкой и пошла. Она обогнула больничный корпус, и я побежала к другому окну, чтобы подольше видеть её. Окно не открывалось, и я, прижав лоб к стеклу, смотрела, как она медленно идёт к остановке.

Вдруг я пронзительно ощутила, что она умрёт. Может быть, умрёт скоро, не дождавшись моего ребёнка. Я была очень молодой, очень счастливой эгоисткой. Я верила, что все, кто мне необходим, всегда будут со мной. Бабушка была мне необходима. Любящая, мудрая, единственная. Я плакала неделю, никому не признаваясь, почему.

Соседки решили, что у меня проблемы с мужем. У них у всех были проблемы с мужьями. Ещё бы! Некоторые четвёртый раз лежали неподвижно на сохранении по шесть месяцев с подвешенными ногами, и всё равно рождали мёртвых детей.

Нет, у меня не было проблем с мужем. С моим мужем – красивым, как изваянный Давид, тёплым, как печка, пахнущим, как сноп пшеницы. С моим мужем, который утром, не успев открыть глаза, говорил: *«У меня идея!»*. С моим мужем, нежным, влюблённым, честолюбивым. С весёлым молодым отцом в недалёком будущем.

Он приходил очень часто. Мы перекрикивались, махая друг другу руками. Он нетерпеливо жестикулировал, спрашивая: *«Ну, когда, когда?»* Он вообще был нетерпелив и желал управлять всеми процессами. А роды – дело стихийное. Однажды, через несколько дней после бабушки, он пришёл не один. С ним была наша общая подруга с незнакомой девушкой. Я плохо разглядела её с четвёртого этажа. Вдруг я почувствовала, как меня кто-то явственно толкнул в спину. Я повернула голову. Никого не было. Мне стало тошно, плохо...

Весенним днём, за три года до этого происшествия, мы со школьной подругой стояли в фойе кинотеатра. К нам подходили два молодых человека, которых я не знала. Увидев своего будущего мужа, я ощутила явственный толчок в спину. За моей спиной было огромное глухое окно.

Кроме этих двух толчков, радостного и болезненного, я за всю жизнь ничего подобного не переживала. Это было физическое ощущение, к тому же, абсолютно внезапное.

Нет, в этот раз я ничего не подумала, не успела подумать. Я купалась в счастье, в доверии, в веселии. Наша жизнь переливалась через край. К нам тянулись лучшие на свете друзья. У нас были огромные планы. Нас учили самые умные люди в стране.

Этот месяц и этот день и разделили мою жизнь на две неравные части. Здание, хоть и дало трещину, но разрушилось не сразу.

Вместо крупного, подвижного мальчика, которого мне пророчили акушерки, я родила малюсенькую девочку.

Бабушка умерла через полтора года, дождавшись ещё и мальчика.

Неформальный лидер

Мой муж Виктор готовился стать человеком большой судьбы. И стал им. Но в то время, когда произошло то микроскопическое событие, о котором я собираюсь рассказать, в его подчинении были только две единицы – я и моя младшая сестра Катя. Нами-то он и командовал.

Дело было в самом болотистом году застоя – даже воздух казался густым и неподвижным. По этой эпохе скучают сейчас те, кто в это время не жил или был слишком мал. А мы-то жили. Люди путают советские фильмы, прошедшие сто цензурных сетей, и жизнь. Застойность, конечно, выражалась не только в том, что «всё пропало», но всё пропало. То есть необходимые «товары народного потребления». (У всякой эпохи – своя административная поэзия.)

Символом эпохи был отец семейства с двумя полными сетками в руках и гирляндой из рулонов туалетной бумаги на шее. Его провожали только одобрителные взгляды. Добытчик! Это было ключевое слово эпохи.

Покупка была последним звеном в длинной цепочке добычи. Методы, конечно, не первобытные (исключая натуральный обмен), а азарт вполне первобытный. Здесь как раз какой-нибудь фильм типа «Прохиндиады» очень даже правдив.

Билеты в знаменитые театры ходили в качестве валюты наряду с чешскими унитазами и румынскими «стенками». Востребованная маникюрша высиживала целого «Князя Игоря» в Большом не потому, что уж очень любила оперу, а потому что была звеном в цепочке взаимных услуг.

Торговля тряпками происходила в основном в конторах. В одном милом фельетоне замученный мужчина стоит на шухере у кабинета начальницы, где как раз идёт оживлённая примерка. В дверь рвется командировочный, который опаздывает на самолет. Ему нужна от начальницы печать. Наконец сослуживец сдаётся, и, не оборачиваясь к двери, показывает назад пальцем: «Вон та, в красных трусах!»

Доставание было единственным спортом для многих граждан. Профессиональные «доставанцы» потеряли смысл жизни после перестройки: пойд и купи – скучно! Осторожные мужчины изнывали в своих конторах – от звонка до звонка, и от института-до пенсии. Нужно было как-то коротать вечность. Один мой дальний приятель говорил, что они в конторе развлекали себя, кидая шапки на рогатую вешалку на меткость, подсчитывали очки и рассчитывались деньгами, выданными им на обед. На обед взрослому работавшему мужчине выдавался, как правило, рубль.

Те, кто не хотел жить всю жизнь спелёнутым, с мятым жёлтеньким рубликом в кулаке, нарушали закон и рисковали. Подпольные предприниматели пировали в ресторанах и гоняли на жигулях последней модели, но периодически попадали в тюрьму, где сливались с криминалом до полной неразличимости.

Активные же, но честные люди любую инициативу – хоть в кино, хоть на производстве – должны были «проталкивать и пробивать», оплачивая инфарктами и самоубийствами. Пьянство было повальным.

Мы не участвовали в этой гонке. Не стояли ночами у магазина в надежде, что что-нибудь «выкинут», то есть начнут продавать. Не писали номеров на руках. Не имели «нужных» знакомых. Мебель мы купили старинную за копейки, одежду шили и вязали. Мы предпочитали «благородную» бедность. У нас были другие интересы и, как говорили тогда, устремления.

Но были две проблемы, которые не решались кустарным способом – это обувь и бельё... Отечественное бельё – это кладбище семейного счастья – уж кто только над ним не смеялся! Голубые штаны с начёсом до колен, с толстой резинкой внизу. Бабушки мне говорили, что ходить в обтягивающих фигуру трусах неприлично и вредно для женского организма. Показываться мужу в панталонах с начёсом – вот что вредно для женского организма.

Взрослые женщины, жившие в столице и не желавшие носить лифчик в весёленький цветочек, пошитый на коровье вымя, заказывали бюстгальтеры и корсеты в единственном корсетном ателье Москвы на Пятницкой или у частниц. Корсеты напоминали средневековые латы из плотного шелка. Конструкция размером с закрытый купальник, на тридцати пуговицах с длинными петлями по спине и четырьмя свисающими резинками для чулок называлась «грация». Но мне было двадцать лет, я была полна собственной грации. И мне не нужен был подобный скафандр. Мне нужен был хорошенький бюстгальтер. Без бельевых пуговиц. Без розовых цветочков. Моего размера, а не «берите, что дают».

И вот однажды мне повезло. Дело было так. Мой молодой, но предприимчивый муж, зная, что на стипендию нам не выжить, нашел подработку в аэропорту «Внуково». Под руководством старшего товарища-профессионала он обрабатывал там архив. Наконец, он поехал получать гонорар, я увязалась за ним, не в силах расстаться на несколько часов. (Даже когда он мылся, я стояла под дверью ванной и ныла: ну что можно там делать целые двадцать минут!)

И вот мы идём лёгкой походкой богачей, и мечтаем – как я теперь понимаю – о разном. А тут – магазин. Зайдём? – Зайдём.

В магазине для пилотов, стюардесс, и других работников аэропорта, косвенно соприкасавшихся с буржуазным изобилием, были товары «повышенного качества». (Опять административная поэзия: то есть у нас нет плохих товаров, все они высокого качества, но всегда есть куда стремиться: и вот некоторые товары – качества более высокого, чем высокое. Одним словом, все животные равны, но некоторые из них – равнее.)

И вот в магазине, куда мы зашли, было «всё». Уж не помню, что ещё, что там «выкинули» из закровов, но на ближнем прилавке ворохом лежало женское бельё. Но не то, в котором стыдно показаться даже врачу – нет, белое, бежевое, кремовое, в кружевах. На еле заметных крючочках!

Я подняла на мужа умоляющие глаза. Он сказал: «Конечно», и я встала в очередь. Для молодёжи объясню, что система торговли была такова: человек становился в очередь и выбирал товар. Продавец (продавщица) писал на бумажке цену и откладывал товар. Покупатель выстаивал с этой бумажкой другую очередь – в кассу. Потом проталкивался к прилавку и тянул свой чек через головы людей из первой очереди и таких же, как он, получателей. Но продавщица была одна. Почему было не поставить ещё одну, которая бы только выдавала товар – это тайна советской торговли. Профессия была доходной, но опасной, и «текучесть кадров» была высокой. Везде висели объявления «Требуется продавец».

Одним словом, совершенно издёрганная продавщица одним выбирала, а другим выдавала товар по чекам. Была путаница, крики, толкотня, жульничество среди покупателей. Одним словом, битва у прилавка.

Я была ещё в начале первой очереди, прикидывая, что взять. Мне хотелось и то, и это... Виктор мрачно стоял у входа. Тогда было немыслимо появление мужчины в женском отделе. Подразумевалось, что для мужчины такого предмета, как женское бельё, не существует. Голова, потом – душа и сразу – туфли. Специфическое советское целомудрие, никак не проистекающее из материализма и марксизма-ленинизма – предмет особых исследований. Одним

словом – нельзя, и всё. (Знаю одно исключение – в Гомеле, в магазине для новобрачных, предметы женского белья были развешаны прямо в витрине, причём на вешалке из оленьих рогов. Рога – не намёк молодожёнам, а символ буржуазного благополучия.)

Виктор был из Прибалтики, где всё было немного по-другому. Он терпеть не мог ждать, особенно в очередях, где наши люди проводили полжизни. К тому же, он ненавидел хаос, произведённый не им самим.

Итак, он вступил в зал, где он был выше всех. Он поморщился, потому что галдеж стоял, как в курятнике, и спросил: *«Ты за кем?»* Я показала на спину тёти, стоявшей впереди меня в густой толпе.

– *«Так, женщина, а вы за кем? Тогда становитесь вот сюда»*, – и он передвинул женщину за плечи, как шахматную фигуру... Через пять минут он образовал три стройных потока: к прилавок справа – к кассе – к прилавок слева. Его слушались все – и женщины в очереди, и продавщицы. Я вышла подышать и через окно видела красивую голову и указующую длань мужа, возвышающуюся над завитыми головками. Я смеялась, присев между входными дверями. Мне было очень смешно – никто не роптал, никто не спрашивал: *«А вы что тут, собственно, делаете, молодой человек?»*

Властным жестом вернув меня к прилавок, где он «держал» мою очередь, Виктор спросил: *«Тебе какой? Этот? Бери три. А Катьке взяла? А Ольге взяла?»* Он не побрезговал даже интересами моей подруги.

Наконец мы выплыли из магазина. У мужа в руке был большой свёрток в коричневой обёрточной бумаге, перевязанный лохматой бечёвкой, – упаковка, одинаковая по всей стране. Свой юмор я проглотила, а то мне досталось бы, как Мелхале, жене Давидовой. Через огромные окна я видела, что тётки соблюдают установленный твёрдой рукой порядок.

Помахивая свёртком, Виктор кораблём плыл в другую эпоху, больше подходящую ему по масштабу и темпераменту. Я плелась сзади.

О родной для меня книге

Ляля Андреева тоже закончила философский факультет МГУ. Со временем проявились многие её таланты: преподавала в вузах, читала лекции на семинарах при храмах, особенно расцвёл её писательский дар. Вместе с сестрой Катей они издали замечательную книгу воспоминаний детства, а получилось о том времени. Я написал отзыв о ней.

Эта замечательная книга читается взапой по-всякому. Сначала хочется полистать и отве-дать московских разностей (а книга прежде всего о своеобразном быте Москвы и совершенно разнообразных понаехавших отовсюду москвичих). Насмеявшись и погрузив вслед за персонажами, непременно тянет пережить повествование от начала до конца. Очередная «Московская сага», объединяющая некоторую эпичность повествования с семейными бытописаниями, оригинальна человеческой и творческой оригинальностью авторов – двух сестёр – совершенно московских барышень. За рассеянным взором юных свидетелей уходящих и приходящих эпох – вдумчивая наблюдательность, удивительная память, внимательная к характерным мелочам. Конечно, только повзрослев, они сумели вполне осознать величие и трагикомизм взрастившего их бытования. Удивительно тонкие психологические портреты бабушек и дедушек опрокидывают читателя в ретроспективное – в давно ушедшую и забываемую эпоху. В то безмерно трагическое время каждая деталь одежды, каждый поступок и слово отражали «самостоянье человека» (А. С. Пушкин) в борьбе за самосохранение и существование. Сопереживающее перо авторов и передаёт нам ту атмосферу и те характеры:

Когда мы были маленькими, бабушки делились на две категории: «простые» и «дамочки». «Простые» бабушки ходили в халатах или сарафанах, летом на голове платок в цветочек, а зимой – два платка: белый, до бровей – снизу; сверху – серый шерстяной... Старушки «из бывших», «дамочки» носили шляпки с остатками стекляруса, птицами, вишенками и перышками... Некоторые дамы в таких нарядах были не лишены такого «шапокляцкого» шарма, но другие выглядели так жалко, что слезы накапливали... Наши «дамочки» поражали смесью призрачности и внутреннего упрямства: «Неужели я буду так унижаться, чтобы гоняться за модой?!»

Вопреки гнусности и смертельной протраве той жизни, **все** в том роду сумели (каждый по-своему) сохранить удивительное достоинство. В этом и дореволюционная закваска, или выплавка характеров огненной магмой, неуничтожимая природная доброта и порядочность, или взаимовоспитание близких жизненным примером. Психологическое описание характеров выводит на глубокое осмысление мировоззренческих вопросов нравственности, религии, наде-ляя произведение определённой философичностью (одна из сестёр закончила философский факультет МГУ) – персонажи во времени, время в персонажах. В этом смысле характерен портрет бабы Кати:

Когда я спросила бабушку, почему она не верит в Бога, она ответила: «У нас в гимназии был такой смешной батюшка». Вероятно, батюшка проигрывал на фоне вдохновенных преподавателей естественной истории. Но тем не менее именно от бабушки Кати я первый раз услышала слово «грех». «Не играй с хлебом (я катала хлебные шарики) – это грех». Было понятно, что грех – не просто плохой поступок. Это действие, выходящее за рамки человеческого мира, разрушающее что-то в мироздании. «Никогда не отговаривайся болезнью близких, а особенно детей. Помни: каждое сказанное слово не повисает в воздухе, а падает на чью-то головку». «Не становись

между мужем и женой». Библейскую истину, что все тайное становится явным, мы тоже узнали от бабушки: «Сколько веревочка ни вейся, а все кончик найдется», – часто приговаривала она. Бабушка отличалась немногословием и никогда не врала... Один из ее важнейших принципов: «Готовься к худшему» – не выражал пессимизма. Наоборот, в этом была готовность бороться за жизнь, не теряться перед лицом опасности. Обратной стороной этой позиции была способность ценить, принимать жизнь, радоваться любому ее дару... Прибегая с завода на сорокаминутный обеденный перерыв, она торопливо ела, держа перед собой книгу. Жизнь духа она никогда не ставила на второе место после «насуцильных потребностей», потому что именно это и было для нее самой насущной потребностью... Безусловно, в ее труде был невысказанный религиозный смысл: «работая – работаешь Богу». Так трудятся в монастырях: неторопливо и не покладая рук. Она не терпела халтуры. Образно говоря, с изнанки все должно быть так же, как с лица... Если мы пытались оправдаться тем, что другие поступают так же или еще хуже, бабушка сердилась: «Чужими грехами не спасешься».

Я обрываю цитату при сильном желании продолжить, – как в подлинной литературе, захватывает и содержание, и форма. У всех близких баба Катя вызывала то отношение, которое высказала её дочь Аля: «Какая ты хорошая!» – сказала как-то мама, обращаясь к бабушке. «Потому что много лет прожила с твоим отцом!» А отцом Али, то есть мужем бабы Кати, был «анекдотически добрый, увлекающийся, авантюрный Исаак Владимирович». О нём – отдельная глава, от которой не оторваться, впрочем, как и от всех других.

Удивительно, в огромном роду наши барышни-писательницы обнаружили только одного отрицательного персонажа. Но зато это был изошрённый злодей – его сын, защищая мать с топором в руках, выгнал его из дома... Дед был из «бывших» – поэт-философ-дилетант, непризнанный гений... Гнилость этого характера, может быть, отражала загнивание культурных слоёв начала XX века, в экстазе декаданса не только проглядевших революционную катастрофу, но и накликавших её...

Перечитываю с наслаждением – теперь уже удивительно красиво изданную книгу, с тёплыми фотографиями, изысканно подобранными иллюстрациями, большинство из которых отца сестёр – талантливого живописателя старой Москвы Николая Васильевича Андреева. На презентации издатель говорил, что всё двигалось очень трудно, а результат оказался грациозным. Конечно, захватывает высокая литература, которая в очередной раз поражает: какие образы! Такая вязь улиц и времен! – а – свидетельствую – ничем не отличается от действительности. Сестры-писательницы для меня – родные, у меня с Лялей Андреевой общие дети и внуки, я долго прожил с некоторыми персонажами книги... Уверен – внуки тоже будут читать с наслаждением. И не только наши...

Радости обретения и боли самосознания

К третьему курсу философского факультета МГУ я (недавний моряк торгового и рыболовецкого флота и матрос-офицер Балтийского военно-морского флота) полностью переосмыслил свою жизненную позицию, в результате чего решил продолжать учёбу на отделении философии, а не научного коммунизма. Изучая философию, скоро проделал путь, традиционный для русской интеллигенции: *от марксизма – к идеализму* и к Православию. Раскрываясь литературе, музыке, живописи, открыл для себя и природу Подмосковья, будто узнал свою прародину.

В начале творческого самоопределения большую роль сыграл мой философский учитель, историк по образованию и философ по призванию – **Всеволод Катагоцин**, а также кружок одарённых и светлых молодых людей, который группировался вокруг него по линии **Калуга—Обнинск – Москва**. К Всеволоду в его квартиру в деревянном бараке приезжал часто, иногда тащил с собой кого-нибудь из близких. Если Всеволод был на дежурстве в кочегарке, то ключ висел в открытой форточке, мы забирались в дом и наслаждались большой, как нам казалось, библиотекой. Неожиданно мог приехать кто-либо из этой компании талантливых поэтов, историков, литераторов; полуночиали за философскими беседами, поэты читали свои стихи, литераторы – свои опусы. Передо мной явились люди и отношения, которые я намечтал себе на многочасовых строевых занятиях в ВМФ. **Дима Марков** одаривал своей любовью и знанием творчества Волошина (заполночные посиделки с множеством слайдов Коктебеля, фотографий окружения Волошина под аккомпанемент его стихов), который тогда, конечно же, был под запретом и за перепечатку которого Дима позже получил три года лагерей. **Вячеслав Резников** читал свою чудесную книгу о Пушкине, а через много лет стал известным в Москве священником. Там я познакомился с **Глебом Анищенко**. Его чтение своих стихов было гипнотическим: вышагивал взад-вперёд по комнате невысокого роста, высокий по стати, сутулившийся в плечах, одну руку – под мышкой, другой держал курительную трубку, качаясь в такт, сверхчётким языком с красивыми рифмами и большими смыслами... – завораживающее действие. Надо сказать, что позже я ценил его мощную публицистику больше, чем его стихи; он же нахваливал мои опусы о литературе, и не признавал основных моих трудов – богословия и философии (*что богословствовать, если в Библии всё написано*). Талантливейшие стихи его я смог по достоинству оценить много позже, но сам Глеб сразу же заморозил своим не нынешним обликом и характером – благородным, храбрым, щедрым и взыскательным. Постепенно я узнал в Глебе верного друга и соратника в главных наших делах. В общем, это были *мои университеты* духовного и творческого *самостоянья*.

Многие годы спустя погибла верная и храбрая, талантливая и бескомпромиссная **Олеся Запальская** – общая любимица, душа нашей компании; в её квартире в Обнинске проходили многие посиделки. **Глеб Анищенко** в статье об Олесе в ноябре 2008 года описал некоторые драматические эпизоды *нашей борьбы*.

Во второй половине 70-х годов в Калуге сложился неформальный кружок людей, обсуждавших философские, религиозные, исторические, культурные и политические проблемы, запрещённую тогда литературу – «самиздат», читавших друг другу свои собственные писания. Входили туда писатели, поэты, философы, богословы, историки (многие ещё были тогда студентами) из Москвы, Калуги, Обнинска, Екатеринбурга. «Мозгом» этого кружка был калужанин философ Всеволод Всеволодович Катагоцин; «сердцем» же компании была Олеся Запальская. «Ведь ты была – животворенье всего, что около тебя», – напишет после её смерти московский поэт Евгений Поляков.

Ни политикой в прямом смысле этого слова, ни диссидентством – правозащитным движением – эти люди вовсе не занимались. Целью их было осмысление жизни, окружающей действительности, творчества. По-иному на это смотрело КГБ. Калужские блюстители госбезопасности решили раскрыть крупный антисоветский заговор, во главе которого стоял морской офицер (один из членов кружка – Дмитрий Марков – действительно когда-то служил на флоте). В 1982 году был арестован и осуждён на два года за распространение антисоветской литературы Анатолий Верховский. По его делу начались повальные обыски. У Олеси обыск длился три дня. Было изъято четыре мешка «запрещённой» литературы – 277 предметов и 20 пакетов с разного рода материалами (курёз состоял в том, что никто из обычных граждан СССР не знал, какие именно книги являлись запрещёнными, узнавали об этом лишь на суде).

Только старания блюстителей закона оказались совершенно бесполезными. Все горы изъятых книг и рукописей не имели равным счётом никакого значения в смысле юридическом. Дело в том, что политические статьи УК РСФСР № 50 и 191-1 предусматривали наказание лишь за распространение антисоветской литературы, но отнюдь не за её хранение. (Вот, например, Дмитрий Марков надписал на ксерокопии «Собачьего сердца» Булгакова: «Олесе в день рождения» и подписался. Это, да ещё две подобные книги, стоило ему трёх лет лагерей.) У Олеси же был блокнотик, в который она записывала для памяти, кому и какие книги давала. Это было самое страшное: безусловный судебный приговор самой Олесе и жуткие неприятности десяткам других людей. Но Господь помог, причём непосредственно. На второй день обыска из Москвы приехал один из друзей Олеси (это был Глеб Анищенко – В. А.). Его долго не хотели пускать в квартиру, но согласились при условии личного обыска. Тогда тот потребовал составления протокола. Несколько ошарашенный следователь стал созывать всех понятых и сотрудников. В том числе и из комнаты, где находилась огромная гора изъятых книг и сама хозяйка квартиры. Минуты на полторы Олеся осталась одна. Но найти маленький блокнотик в огромной куче было практически невозможно. Олеся перекрестилась на икону Богородицы, наобум сунула руку в кучу и вытащила блокнот. Тут же вернулись понятые. Но было поздно – спрятать книжечку на себе и потом сжечь (когда отвезли ночевать на квартиру матери) было делом пусть очень сложной, но техники. И сама Олеся, и десятки людей были спасены, труд гэбистов оказался сизифовым.

Потом потянулись бесконечные допросы в Обнинске и Калуге, на которых Олеся даже опытных следователей поражала мужеством и хладнокровием: она не пошла ни на один компромисс, не назвала ни одного имени или факта. Но вдруг дело неожиданно приостановили и даже вернули изъятые книги (правда, несколько наиболее ценных изданий защитники госбезопасности всё-таки спёрли). Позже один из работников органов рассказывал мне, что дело о «калужском заговоре» якобы попало на стол к самому Андропову, и тот повелел прекратить его за явной нелепостью. Однако Анатолий Верховский из Екатеринбурга, Дмитрий Марков из Калуги, Елена Фролова из Обнинска, Михаил Середа из Москвы всё-таки пошли под суд и получили разные виды наказания.

Огромные органы безопасности огромной страны занимались тем, что выслеживали и гоняли совершенно безопасных талантливых молодых людей, в результате профукали страну...

Многие из моего близкого круга прошли православную проповедь у **о. Дмитрия Дудко**. О значении его бесед в церковном домике после службы как-то встретил описание незнакомого учёного:

Духовная атмосфера таких кружков обладала огромной притягательной силой. Субкультура кружка, более близкая своим механизмом к неформальным движениям, чем к диссидентской среде, привлекала неортодоксальную интеллигенцию своей атмосферой. В. Аксютин рассказывает о кружке Дудко: « Много–много людей в маленьких помещениях по многу часов вели беседы, обсуждения, дискуссии, в очень доброжелательной обстановке, с молитвой. Сначала служба, потом застолье, считали: сегодня у нас семь столов. То есть семь смен столов, прежде чем все отобедают. Всех кормили. Потом за этим же столом собирались. Набивалось полное помещение и велись бесконечные дискуссии, беседы. Либо кто-то что-то читал, либо специальная тема обсуждалась».

Большое значение имели для меня встречи с **Петром Старчиком**. Удивительно бесстрашный и вместе с тем талантливый и тонкий человек. Отсидел несколько лет в Казанской психбольнице за диссидентство. Пишет музыку на стихи русских поэтов и потрясающе экспрессивно исполняет. В долгие вечера в его квартире на первом этаже (окружённой в подъезде и под окном взводом *казбешников*) мы самозабвенно слушали его циклы Цветаевой, Мандельштама, Клюева, Пастернака, поэтов девятнадцатого века и наших современников. Поэзия в музыкальном звучании раскрывалась необыкновенно глубоко. Вдохновлённый услышанным, я написал статью «Поэтическое богословие Марины Цветаевой», она оказалась моей первой серьёзной публикацией – в парижской журнале «Вестник РХД».

К третьему курсу, я считал себя православным христианином, но меня выбрали секретарём партийной организации курса. Размножал и распространял религиозную литературу, не очень таясь, давал читать «Архипелаг ГУЛАГ», не скрывал свои взгляды. Непонятно, как это мне сошло с рук, – Господь хранил! Несуразное сочетание функционера-диссидента и безнаказанности вызывало недоумение и на курсе. Как-то один из сокурсников высказался в том духе, что нужные люди внимательно наблюдают за мной, а на курсе же половина считает, что я из КГБ, а другая половина – что я из ЦРУ.

Душа утончалась, а официальная жизнь вокруг становилась всё более чуждой. Росла мучительная пропасть между внутренней жизнью и внешней. Из-за такого раздвоения временами я был на грани нервного срыва. Стало болеть сердце. Майя Захаровна со своими друзьями-врачами установила, что это невроз от нервного и психического перенапряжения, прописали курс успокоительных средств, и я привёл себя в порядок. Мучительно искал возможности привести свою жизнь в соответствие с внутренним настроением. Мне становилось тошно от бессмысленной учёбы. Я начал искать иной, настоящей мысли, философии.

Письмо Петру Щедровицкому

При поступлении в МГУ руководители философского факультета нам сразу объяснили: *вы учитесь на идеологическом факультете*. Старшекурсники же эту истину пояснили анекдотом: «*Что такое философия – Это когда в тёмной-тёмной комнате ищут чёрную-чёрную кошку. Что такое марксистская философия? – Это когда в тёмной комнате ищут чёрную кошку, заранее зная, что её там нет. Что такое марксистско-ленинская философия? – Это когда в претёмной комнате ищут чёрную кошку, заранее зная, что её там нет, и каждые пять минут кричат: ура, поймали!*» Практически вся программа философского факультета МГУ состояла из марксистско-ленинских дисциплин. Почти все кафедры обозначали марксистско-ленинское учение: кафедры диалектического материализма, исторического материализма, научного коммунизма, научного атеизма, марксистско-ленинской этики, марксистско-ленинской эстетики; только кафедры логики и зарубежной философии не могли дотянуть до именованного *самого верного учения*. Мне становилось тоскливо от бессмысленной учёбы. Я начал искать иной, настоящей мысли, философии.

Московский кружок методологов **Петра Щедровицкого** привлёк внемарксистской, которой я уже слишком переел. Написал Щедровицкому письмо-просьбу:

Я к Вам обращаюсь не только как к возможному консультанту по определённому, интересующему меня вопросу. Проблемы, которые я постараюсь кратко изложить, затрагивают во многом и мою личную жизнь.

Я слушал доклады Дубровского и Ваши. Обсуждаемая проблематика, насколько мне это удаётся осознать, непосредственно касается направления моего «самообучения». Постараюсь кратко показать свою позицию, сформулированную во многом на интуитивном уровне... (экскурс ранней философской рефлексии опускаю).

Всё это выступает для меня не как объясняющая нечто, а только как во многом неосознанная, но необходимая программа к деятельности. Низкий уровень осмысления и узкий круг охватываемого материала во многом объясняется тем, что я только немногим более двух лет как получил возможность заниматься систематическим образованием. Но я глубоко убеждён, что не частности, а суть моей позиции верна в том смысле, что движет меня от мнений к мнениям, если не более истинным или правильным, то более красивым и захватывающим.

Теперь о причинах, по которым я к вам обратился.

В своё время, получив возможность вырваться в культурный слой, я начал наконец дышать полной грудью и максимально использовал все представившиеся возможности. Возможностей хватило ненадолго. Всё больше оставалось никчемностей. И в учебе, и в жизни.

Я учусь на втором курсе философского факультета. Университетская программа предлагает для усвоения серию избитых догм с явно выраженным направлением. Ясен и заданный результат, то есть что из нас должно получиться. Парадокс: чем более идёшь вразрез с предлагаемым материалом, тем больше имеешь возможностей понимать, видеть, чувствовать. То, что и как даётся, во многом оказывается ненужным хламом, а необходимое зачастую совершенно отсутствует. Одна из выступающих (критически) по вашему докладу 28 ноября является не карикатурой, а во многом точным воспроизведением характера и уровня обучающихся нас, например, диамату.

Но учебная программа и её усвоение оказываются менее существенными по сравнению с сопутствующими учёбе институтами, название которых – общественная деятельность. Я о той её стороне, которая отнимает драгоценные время и силы на пустое «руководство», которая создаёт свою шкалу оценок, позволяющую большой массе студентов лезть по престижной лестнице, совершенно игнорируя то, для чего, собственно, существуют учебные заведения.

Я вынужден перечислять вам банальные вещи не для того, чтобы порассказать вам, «а как у нас». Ясно, что это для вас давно неинтересные истины. Я хочу лишь показать, что для меня на сегодняшнем этапе невозможно уже идти выбранным путём, оставаясь в то же время в рамках только университета. Понятно, что существует много возможностей реализовать свои интересы не только в университете. Многие из них я попробовал: семинары, проблемные группы, комиссии в различных институтах и проч. Сейчас же мне необходимо перенести основную свою деятельность в сферу, большие отвечающую моим интересам. Здесь же, как ни сопротивляешься и не пытаешься заниматься своим делом, всё же «заносит» и отвлекает во многом.

Я обращаюсь к Вам, т. к. в Вашем лице увидел человека, направленность интересов и научный метод которого мне более всего близки. То есть я к Вам обращаюсь за советом или помощью.

Есть ли какая-либо возможность для работы, при которой основное время можно было бы вариться в котле интересных проблем, иметь возможность для работы с литературой, для широкого научного общения. Мне трудно представить, как такая должность может называться (лаборант? Секретарь?..), но я думаю, что можно себе представить такую работу, где даже чисто технические операции и проч. Будут как-то близки к моим основным интересам. Я перешёл бы на вечернее отделение и уверен, что такого рода работа стимулировала бы мою учёбу.

Я говорю больше о том, почему мне это необходимо и что мне это даёт только потому, что больше себе это представляю. А что я могу и умею? Знаю только, что могу многому научиться и постараюсь быть полезным на своём месте.

Я даю себе отчёт в наивности своих предложений, но думаю, что они осуществимы. Уверен, что их осуществление будет полезно, естественно, в первую очередь мне, но и не только...

Мне 25 лет, член КПСС, прописан в Москве.

Какая-то интуиция удержала от посылки этого письма. Конечно, я был бы там никому не нужен, а все умствования методологов были мне чужды по другим измерениям, что осознал позже. Спасал мир открывшейся православной духовности, и помогал микрокосм родных и близких по духу. Время подтвердило мой выбор. Этот эпизод иллюстрирует, в каких полюсах протекали моя жизнь и поиски.

Первые самостояния

Обретение веры безмерно расширило горизонты. «Открытие», что в мировой философии нет ни одного крупного философа-атеиста, убедило в том, что подлинной может быть только философия религиозная. Я с упоением приобщился к великой традиции мудрости. Первоисточниками моих собственных философских исканий были Платон и Библия – *Афины и Иерусалим*. Я должен был осознать себя в бытии и в истории, сложились параллельные линии интересов: метафизика и историософия. На кафедре истории зарубежной философии изучал европейских мыслителей. Тема курсовой работы – «Монадология Лейбница». Как ни странно, этот рационалистический текст открыл мне многое нерационалистическое – может быть, своей логичностью и эстетичностью. Следующая курсовая была по протестантскому теологу Паулю Тиллиху, тема диплома: «Проблема отношения философии и теологии в неопротестантизме Пауля Тиллиха». Но основным интересом была русская философия, не существовавшая для философского факультета МГУ. В учебном плане кафедры истории философии народов СССР не присутствовало **ни одного** русского философа, изучались «философские» взгляды учёных-натуралистов, медиков. Я же сознавал, что русские философы совершили грандиозный прорыв, по сравнению с которым европейские осуществляли *обработку тылов* – систематизировали, классифицировали те смыслы, которые *выводила из небытия в бытие* русская мысль.

Написание диплома было для меня своеобразной школой отстаивания собственных творческих принципов. Оппонент диплома – профессор Юрий Константинович Мельвил, руководитель кафедры истории зарубежной философии, один из факультетских интеллектуалов, спросил у меня, почему в дипломе слово «Бог» пишется с большой буквы. Мне свои убеждения пришлось объяснять сциентистскими приёмами, ибо профессора этой кафедры считали себя подлинными учёными, в отличие от марксистских кафедр факультета. Я завёл речь о том, что понятие «Бог» употребляется в двух языковых традициях. В атеистической традиции это понятие обозначает несуществующий предмет, поэтому и пишется с маленькой буквы. В теистической традиции это понятие обозначает Личное Существо, более того – Абсолютное, то есть единственное в своём роде, поэтому – с заглавной буквы. Так как тема моего диплома описывает теистическую традицию, то в её рамках писать слово «Бог» с маленькой буквы было бы неграмотно. Безграмотный подход седовласый профессор принять не мог, поэтому вынужден был оставить меня на этот счёт в покое. Следующая идеологическая претензия касалась классиков марксизма-ленинизма. В ту пору любые труды должны были включать цитаты из триптиха Маркса – Энгельса – Ленина. Понятно, что приходилось долго обосновывать вездесущность классиков и притягивать за уши их тексты. Я пошёл другим путём: вляпал в конце каждой главы диплома цитату классиков *марлена* на религиозную тему. На это мне оппонент указал, что приведённые цитаты не имеют отношения к тексту диплома. Я с радостью их убрал вовсе, а учёный муж молча проглотил это – очевидно, времена и идеологические нравы уже смягчались. Высокую оценку моего диплома отстояла научный руководитель доктор философии **Тамара Андреевна Кузьмина**. К ней я обратился потому, что она читала замечательный спецкурс по философам XX века, в том числе русских религиозных философов. Познакомившись с моей курсовой, она сказала, что *понимает и уважает мой настрой, будет помогать, хотя с такими взглядами мне дальше будет трудно*. После окончания университета мы стали близкими друзьями и много вместе пережили, и переосмыслили.

В конце обучения в МГУ меня вызвали в университетский партийный комитет *для беседы с очень солидным человеком*. Внешностью он напоминал разведчика Абея. Сказал, что его ведомство *набирает выпускников для продолжения трехгодичной учебы в Подмоскowie и дальнейшей важной государственной работы за границей, при полном обеспечении семьи*. И что он просит меня как секретаря студенческого партбюро дать характеристики кандидатам. Я

говорил обо всех только положительное, употребляя профессиональную психологическую терминологию, которую усвоил у талантливейшего психолога Майи Захаровны Дукаревич. Некоторые мои однокурсники стали разведчиками. В конце длительной беседы «Абель» спросил: *а как, Виктор Владимирович, вы относитесь к тому, чтобы самому пойти учиться на ответственного государственного работника?* Я сказал, что подумаю. Как я понял, это какая-то из спецслужб вербовала кадры для внешней разведки. Сразу же позвонил Майечке и попросил описать мне какой-нибудь легкий психиатрический диагноз, чтобы, с одной стороны, не мобилизовали в разведку, с другой же – не загребли в *психушку*. Затем позвонил «Абелю» и сказал, что начинаю курс лечения какого-то устойчивого невроза. Он вежливо попрощался, и больше с этими предложениями не докучали.

Меня приняли в аспирантуру кафедры зарубежной философии с темой кандидатской диссертации: «Проблема человека в неопротестантизме Пауля Тиллиха и экзистенциализме Николая Бердяева». Но через несколько месяцев мне сказали доверительно, что был крутой звонок из КГБ, после чего по-тихому вычеркнули из списка аспирантов с негласным запретом работать по профессии.

Среди множества допросов в КГБ запомнились встречи с «добрым» следователем майором Гусевым, который вёл интеллектуальные беседы, конечно же, в интересах своего ведомства. Однажды он выразил «удивление»: как я, судя по всему, умный и талантливый человек, могу верить в Бога. Ответил, что в истории мировой философии нет ни одного атеиста, все крупные философы так или иначе были людьми с религиозным мировоззрением. Он назвал ряд имен, которые в советских энциклопедиях относили к философам – атеистам-материалистам. На что пришлось указать, что те, кого у нас считают атеистическими философами, сами не сознавали себя философами, и современники не считали их таковыми; это были естествоиспытатели, медики, экономисты, в лучшем случае публицисты или политические мыслители, фиксирующие свои размышления в письмах, дневниках или статьях. Гусев: *а Энгельс и Маркс?* Я: *ни они не считали, ни их не относили.* Гусев: *а кто же они в таком случае?*

Я: *Энгельс – талантливый публицист, Маркс – в лучшем случае талантливый экономист.* Гусев: *а Ленин?* Пришлось рассказать, что «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина представляет собой сплошную ругань по поводу цитат из работ второстепенных философов Маха и Авенариуса, а «Философские тетради» – это конспект некоторых работ некоторых философов, по большей части не первого ряда, с которыми сорокачетырёхлетний Ленин впервые познакомился. Собственно ленинское – это множество подчеркиваний, различных значков на полях типа «нота бене», но более всего – разнообразных бранных слов. Так что Ленин (по логике имел в гимназии четвёрку) не подавал признаков философского мышления, а был гениальным политиком. То соображение, что это – гениально беспринципный политик-людоед, я оставил при себе... Однажды следователь Гусев огорошил меня: *мы же с вами – православные.* На моё недоумение он пояснил: *ну, они там – католики и протестанты, а мы, русские – православные; только вы верующий православный, а мы православные атеисты...* В посткоммунистическую эпоху раскрылся другой смысл этого определения...

После того как в 1978 году я вышел из КПСС, меня КГБ изгнало из аспирантуры философского факультета МГУ и негласно наложило запрет на профессию: о работе преподавателем философии или научной деятельности не могло быть и речи. Чтобы кормить детей, я, используя опыт командира студенческих стройотрядов, организовал несколько строительных бригад сезонных рабочих – *шабашников*.

Конечно, *шабашка* была тяжёлой платой за свободу. Я чувствовал себя, как пианист, который каждый день обязан играть на фортепиано, но каждый день вынужден колоть дрова. На *шабашке* я существовал в непрерывной депрессии, особенно от вынужденного общения с номенклатурными работниками. Но спасали книги (читать можно было только ночью или в дороге) и *дневник самосознания*, с которым не расставался и куда вписывал философские

грёзы, приходящие в самых неподходящих ситуациях. Тяжким для меня трудом я приобретал шесть-семь месяцев свободы, творчества и жизни с семьей. Приобретал, конечно, и здоровье, налитую бронзовую мускулатуру – от тасканий ведер с бетоном.

Впечатления, полученные в бесконечных поездках, становились предметом размышлений. Прогнивший режим держался по инерции и как-то отдельно от людей, которые всё больше жили своей жизнью, по необходимости лишь произнося идеологические пароли. Уже в конце семидесятых годов я был уверен в недолговечности коммунистического строя.

К середине семидесятых оформились мои творческие интересы. Осенью семьдесят пятого я попал в больницу и до окончательного диагноза ситуация казалась удручающей. Поневолу приходили мысли о скоротечности всего земного, о встрече с вечностью, о жизни, которая проходит в суете, в ожидании самого главного, чего можно так и не дожидаться. Жена Ляля Андреева была беременна, и как-то утешало, что нечто от меня здесь останется после меня. Только касание *пограничной ситуации* спрессовало время и энергию. В многолюдной больничной палате днём было невыносимо от гама, мужики с нетерпением ждали ночи, чтобы пить и играть в карты. Из-за непрерывных приставаний с назойливыми «разговорами» и предложениями выпить было невозможно сосредоточиться ни на минуту. Отказ разделить общую «трапезу» вызывал агрессию. Спасительная мысль: я выхлопотал у заведующей отделением *для написания курсовой* одиночную палату, которую держали для душевнобольных, иногда привозимых на лечение в терапевтическое отделение. От меня сразу же все отстали – что взять с *чокнутого*. Через окно пятого этажа на бинтах я поднимал книги, которые мне приносила Ляля. Обложил себя книгами, как лекарствами, читал по двадцать часов в сутки. Больше всего захватили первые главы Библии – о сотворении мира, «Тимей» Платона и «О свободе» Шеллинга. Глубочайшие смыслы соединились на какой-то неисповедимой глубине и вызвали сильнейший творческий катарсис. Спал часа по два-три, в голове всё время крутились метафизические жернова. Думал: вот наконец достиг подлинного творческого прояснения, которое и будет всегда. Но ни жизненные обстоятельства, ни я сам (рефлекторно опасался не выдержать и свихнуться) не позволили больше достигнуть подобного сверхнапряжения. Метафизическая установка сформировалась навсегда, а зачерпнутых тогда смыслов и образов хватило для разработки на всю жизнь.

Концепция «Творения-грехопадения» явилась в одночасье, а также и основные замыслы книги «Под сенью Креста», которую удалось закончить и издать через двадцать лет. Явленное зафиксировал на одной странице. Метафизические проблемы никогда не были для меня предметом только теоретического интереса. Важно было знать, как сотворены мир и человек, что есть Крест и Голгофа Бога и человека, в чём свобода, откуда и почему в мире зло, в чём смысл последних времен – апокалипсиса и эсхатологии, чтобы понять, как мне жить и как быть. Богословские и философские смыслы – это ключи, которыми можно открывать мировые тайны. С увлечением использовал эти ключи для прояснения проблем в других областях: в обществе, истории, науке, искусстве, литературе. С годами осознал, что продолжаю некую незримую эстафету русской философской мысли, хотя и не ставил перед собой такой задачи. Нередко сталкивался с тем, что начинал самостоятельную разработку интересующих проблем именно с той стадии, на которой её закончили Владимир Соловьев, Николай Бердяев или Сергей Булгаков. Собор русских философов в вечности повелительно отзывался в нашем разорванном времени.

Писал много, на разные темы, но, естественно, *в стол*. Каждую страницу приходилось копировать и прятать по разным тайникам у друзей (в девяностые друзья обнаружили на антресоли в своей квартире давно забытый чемодан с копиями моих рукописей, – один из многих). Как известно, *рукописи не горят* только на небе, на земле же нужно прилагать невероятные усилия для их сохранения, что удалось сделать во время обыска 1981 года. В 1983 году, в очередной раз сбежав на несколько дней от семьи для работы, услышал по радио «Немецкая

волна» о публикации в парижском журнале «Вестник РСХД» статьи московского учёного Виктора Аксютинца «Поэтическое богословие Марины Цветаевой» – для меня это было равнозначно Нобелевской премии. С того времени меня публиковали в эмигрантских, затем европейских изданиях, отечественного же читателя пришлось ждать больше десяти лет.

Много лет спустя **Юрий Кублановский** рассказал историю с моей заветной публикацией. Изгнанный из СССР Юра как-то сидел за чаем с **Никитой Струве** – главным редактором парижского журнала «Вестник РСХД» и издательства Имка-Пресс. Струве попросил помочь и выбрать что-нибудь из завалов рукописей из СССР. Юра поднялся на другой этаж в комнату, забитую рукописями, и не различая вытащил мою работу. Через двенадцать лет мы встретились в Париже, сразу же задружились, вечерами в прогулках по парижским улицами не могли наговориться. Запомнилось Юрино: *мы с тобой понимаем всю гибельность советского коммунизма, но здесь на Западе тоже не всё ладно, – цивилизация потребления перемальвывает ресурсы планеты...* Очень актуальный ныне вывод тогда мне показался не очень актуальным... Много лет спустя мы, единомышленники и взаимные ценители нашего творчества, сошлись на том, что, очевидно, **экзистенциальное одиночество** – наша общая судьба даже при близком для нас режиме президента Путина...

Основной экзистенциальный интерес – трагедия Отечества. Судьба предоставила мне возможность довольно рано осознать лживость нашей жизни. Ещё во флоте я научился выуживать из официоза крупинцы правды об истории СССР. Желая разобраться в реальной ситуации, я проделал простую, но уникальную работу. Перечитывая различные издания истории КПСС, сравнивал разные трактовки событий в зависимости от зигзагов *генеральной линии партии*. Заметил, что все лидеры СССР после каждой смены власти объявлялись врагами. После каждого съезда КПСС публиковались экономические «достижения» пятилетки, но нигде не было данных по экономике за все десятилетия СССР. Отовсюду собирая цифры, я составил довольно полную таблицу уровня производства – от 1913 года. Та картина, которая выстроилась у меня, не могла быть опубликована: даже искажённые цифры из современных газет и брошюр говорили о страшной реальности. Например, производство сельскохозяйственной продукции к концу НЭПа в 1928 году достигает уровня 1913 года. Затем, с началом коллективизации, к 1933 году падает в 2,5–3 раза. Уровень 1928, то есть 1913 года был достигнут только к концу пятидесятых. Так, по цифрам я узнал о геноциде крестьян во время коллективизации: глобальное падение производства не могло не сопровождаться массовой гибелью производителей – крестьян, а также продовольственными карточками в городах. Эти очевидные сейчас истины были совершенно недоступны в то время. Позже на болезненные вопросы стала давать ответы эмигрантская литература. Но всё же к окончательным ответам бессознательно себя не допускал, – слишком велико бремя трагической истины. Это сделал сокрушительный «Архипелаг ГУЛАГ» **Александра Солженицына**. Архипелаговское прозрение я пережил очень остро, и Солженицын оказал решающее влияние на формирование моей политической и гражданской позиции.

Читали с Лялей по ночам взапой. Это даже не переворот, а взрыв души и рождение нового состояния. Утром мир вокруг оказался в каком-то другом – тревожно золотистом свете (вспомнилось: как и двор дома в детском откровении): жизнь текла обыденно, но всё уже навсегда пронизано атмосферой величайшей трагедии, которая понятна только немногим. Томик «ГУЛАГа» в портфеле – критерий «самостоянья» (А. С. Пушкин). Кто-то сжигал его на газовой плите в ожидании обыска, кто-то выбрасывал, кто-то же выдерживал – передавал эстафету, а то и множил слепыми машинописными страницами, чтобы утвердить в обретенной силе друзей. Материально жизнь была трудна, но всё окупалось упоительным ощущением духовной свободы. Однажды с женой **Галей Дубовской** заказали столик в ресторане ВТО и отлучились ненадолго, оставив портфель. По возвращении обнаружили у стола милицию, которая составляла протокол о вскрытии портфеля: незадолго до того грузины взорвали метро, и в оставлен-

ном портфеле подозревали бомбу. Мы успели вовремя – до обнаружения в портфеле «бомбы» – томика «Архипелаг ГУЛАГ».

О коммунизме побудила писать книга **И. Р. Шафаревича** «Социализм как явление мировой истории» – уникальное историческое и аналитическое исследование крупнейшего учёного. Он с позиций своего рода «христианского позитивизма» отвечает на вопрос «как?». Меня же интересовали и вопросы «почему?», «что?». Поэтому стремился понять метафизические причины и основы идеологии коммунизма-социализма как «*воли человечества к смерти*» (И. Р. Шафаревич). Первоначальные варианты работы об inferнальной сущности коммунизма передал году в семьдесят пятом И. Р. Шафаревичу через почтенного православного диссидента **Игоря Хохлушкина**, который через некоторое время высказал: *ни к чему религиозные размышления о социализме, тем более после книги, в которой всё сказано*. Меня, конечно, это задело: мало того, что не заинтересовал подход, который мне представляется очень плодотворным, но и не подвинулись просто поддержать молодого автора, которого за эти вирши могли надолго упечь в застенки. Так я впервые столкнулся с «закономерностью»: демократы-западники могут совершенно расходиться во мнениях, но *ходят вместе* – всегда поддержат друг друга в трудной ситуации, а православные патриоты могут быть солидарными в мировоззрении, но *ходят врозь* – не склонны действительно поддерживать друг друга.

Постепенно формировалась концепция «**идеомании**» – идеологической мании, и «**идеократии**» – власти радикальной идеологии. К тому же, и я вместе со страной переболел идеологической маниякальностью – сам излечился. Этот уникальный и вместе с тем типичный для СССР опыт присутствует в моих книгах. Философские смыслы позволили просветить реальность и обнаружить те её слои, которые исподволь правили всем на поверхности. Трагедию своего Отечества остро переживал, как свою личную, и меня давно мучил вопрос: *почему и за что?* Для ответов необходимо было углубиться в историю. Поэтому я драматично пережил открытие, что именно интеллигенция, к которой я с детства пробивался из социальных низов, более всего виновна в Российской катастрофе XX века. Это описано в работах «Орден русской интеллигенции», «Пятая колонна империи» и других. С конца семидесятых складывается историософская концепция России, в формировании которой помогали русские мыслители и философы – от **славянофилов** и **Ф. М. Достоевского** до **Сергия Булгакова** и **Г. П. Федотова**. Много дал **Н. А. Бердяев** – это любимый философ, но в темах России и коммунизма с ним приходится много спорить.

Большое влияние оказало «Красное колесо» **А. И. Солженицына**. Многие исторические выводы Солженицына я воспринимал как свои – настолько они созвучны моим исканиям. Но чем дальше я погружался в глубь веков, тем больше возникало вопросов. Как-то Солженицын сказал, что если бы не было в России церковного Раскола XVII века, то не было бы и большевистской революции. Поиски исторических истоков трагедии XX века увели меня дальше в историю: многое в русской душе определилось на рубеже XV–XVI веков – в спорах стяжателей (последователей **преп. Нила Сорского**) и иосифлян (последователей **преп. Иосифа Волоцкого**), и их трагических последствий.

Неожиданно для самого себя я понял, что петровское дворянство и русская интеллигенция сыграли роковую роль в судьбе России. В осознании этого помог И. Л. Солоневич – своей страстной и пристрастной, но правдивой книгой «Народная монархия». Его книга «Россия в концлагере», ещё в начале тридцатых годов описавшая сталинский режим, актуальна и до сего дня глубочайшим анализом коммунистической системы, которой героически противостояли богатыри Солоневичи. За невероятные, но подлинные приключения героев книги мой друг **Глеб Анищенко** называл её «Три мушкетера на русской почве». Только на русской почве сама жизнь превосходит всякую литературную фантазию. Нервом русской трагедии пронизаны произведения политического философа **И. А. Ильина**, который не только на редкость явственно видел оттенки и переплетения добра и зла, но и во многом провидел будущие события, преду-

казывал спасительные для нас идеалы. Сформировались мои историософские концепции под влиянием русской религиозной мысли XX века. С радостью насыщаю свои работы материалами, которые изданы в России после крушения коммунизма. Традиция восстанавливается.

Дневник самосознания – семидесятые

За месяцы *шабаши* физически крепчал, мускулы наливались, а извилины «выпрямлялись». После возвращения в Москву какое-то время не мог адекватно общаться и творчески работать – нужно было нарастить интеллектуальный мускул. Но и в изнурительной нервной работе мучили вечные и «больные» вопросы, рука тянулась к перу и бумаге (которой могла быть любая попавшаяся – листок из блокнота, бланк телеграммы, справка о чём-либо...), так сложился *дневник самосознания*. Пятилетняя дочурка Варенька на вопрос о том, кем работает папа, ответила: *он ездит в Сибирь и делает там философию*. Наброски тем вырастали затем в работы, статьи, книги. Что-то так и осталось только затронутым. Естественно, работа мысли начинается с нащупывания во мраке смутных, но притягательных смыслов. Изначально неясно выраженные, они, тем не менее, обретались навсегда. Понятно, что первоначальные тексты отражали поиск для себя, а не для объяснения кому-либо чего-либо.

Это были не абстрактные рассуждения, а повелевающее осознание. Вся последующая публицистическая, издательская и общественная активность подвигалась этими раздумьями. С конца восьмидесятых меня публикуют в русском зарубежье, с начала девяностых – в России, наброски складываются в главы книг, листки-записи иссякают. Оставляю их без редактуры, ибо наброски наскоро только такими и могут быть: обрывочными, пунктирными, местами незрелыми, отражающими этап, а не отшлифованные формулировки.

1975. Мир греческой философии, в котором в зародыше...

У софистов впервые ставится вопрос о субъекте познания. Гордиев узел антиномии единства-множественности разрубается: спор идёт об эфемерных образованиях, созданных человеком, и потому «человек – мера всех вещей». Желанием, занимаемой позицией, уровнем осмысления всякого субъекта всякий раз строится новый мир, и не имеет смысла говорить о мире в целом, о его субстрате.

Так есть. Но с этических позиций Сократа это неприемлемо: всё относительно? Значит, всё позволено? Падает всякое нравственное учение. Обосновывая свою нравственную позицию, Сократ приходит к более широким выводам: ни об одном предмете нельзя высказать чего-нибудь, пока неизвестно его понятие, его общая, остающаяся себе равная сущность, поэтому исходным пунктом всякого знания должно быть установление понятий.

Мир ноуменов. Ноумен – нечто мыслимое, с материальной стороны он ничто. Это царство идей, теперь мы могли бы сказать: царство научных гипотез, концепций, проблем. Мир ноуменов отделён от мира феноменов, он не материален, но он реален. Мир этот во многом определяет каждый шаг человеческого познания.

Царство идей связывается с миром феноменов посредством мировой души (другое название Эроса в ранних диалогах). Душа человека по своему существу однородна с душой целого мира, от которого она происходит (Филеб, 30; Тимей, 41). Душа – деятельное начало творчества. От материальной действительности через Эрос – в мир идей (развить). Эрос – пафос личной любви – есть переход и связь между двумя мирами. Умы ведутся Эросом к созерцанию истинно сущего. Отсюда – художественное осмысление.

1976. Предварительные размышления

«Онтология не может прямо говорить о Боге, а тем более устанавливать его существование, но она может показывать, что конечное существование, несмотря на свои противоречия или из-за них, указывает на основу своего собственного бытия» (П. Тиллих).

О разобщённости

Видение каждого всегда абсолютно индивидуально. Естественный язык даёт видимость общего понимания. На самом же деле язык в общих для всех символах выражает различные духовные состояния. В говорении термины – не о сути состояния, а по поводу него и чего-

то ещё, совершенно другого. Зафиксированный терминологический набор определяется зачастую вторичными по отношению к сути выражаемого факторами (общий настрой, влияние минуты и общие влияния, владение языком, уровень культуры и проч.).

Может наступить момент, когда индивидуальность мировосприятия проявится в индивидуальности внешнего выражения. Это редкое состояние и формирует индивидуальный набор внешних выражений.

Итак, суть миропонимания людей различна, но не всегда внешнее языковое выражение этого понимания достигает уровня индивидуальности, когда только и появляется возможность установить это различие.

На обыденном уровне люди манипулируют бледным и общим для всех языковым набором. Но как разнообразна суть оговариваемого. Даже за, казалось бы, ничего не значащими словесными штампами скрыты различные отношения, движения, состояния, выражения. Говорят двое, но вслушивание показывает, что диалога нет. Его не бывает в принципе, то есть нет перекидывания какого-либо смыслового сгустка, при котором к нему при каждой подаче присоединяются новые значения. Диалог оказывается одной из форм монолога. Каждый высказывается не в ответ оппоненту, а по поводу своего, актуального в данный момент. В формировании этого состояния воспринимаемый речевой поток играет далеко не единственную и даже не определяющую роль.

В ситуации разговора можно выделить инвариант (т. е. то, что говорящие **здесь и теперь**; происходит **некое** действие...) Но каждый движим в этом общении своим сокровенным, а потому он в ситуации общения как бы и отсутствует.

Об общении

Обычно мыслителям приписывают открытия каких-либо принципов или развитие идей предшественников. Но мироощущение каждого человека **единственно**. Суждения предшественников оказываются для мыслителя не задачами, которые требуют определённого ответа, а **темами**, по поводу которых в духовной глубине разыгрываются индивидуальные вариации. Непрерывный поток вариаций – суть духовного состояния. Как и всякий, духовный поток может струиться ласкающим ручейком, может «растекаться по древу» или бурлить неукротимой энергией. Он может разлиться всеохватывающим морем. Может породить спады и подъёмы, круговороты. Его может вынести на мель. Как и всё в мире, потоки эти настолько различны, чтобы видеть в них «борьбу противоположностей», и достаточно похожи, чтобы объединить в «единственно верное учение». Трудно указать общую цель их движения: все реки стекаются в Океан и питаются, то есть начинают свой путь, из Океана же. Но о каждом духовном потоке в отдельности можно говорить, как о, например, возрастающем, усложняющемся, развивающемся свои первоначальные движения.

И вот тут только для нас проясняется значение окружающих и встречающихся духовных потоков. Они оказываются тем, что может стать плотиной на чьём-то пути, может поглотить в своём более мощном движении, а может оказаться темой, по поводу которой дух-инструмент проиграет свою внутреннюю вариацию, от которой гармония получит более тонкий и точный настрой. Он готов теперь к более высоким и сложным движениям.

А поскольку вариации эти в конечном итоге на тему одной Вселенской жизни, неудивительно, что часто в истории духа встречаются созвучия. Оказывается, что при невозможности восприятия сути информационных потоков (они для нас «вещи в себе»), мы **как бы** понимаем друг друга. Во всяком случае, наши движения согласуются.

Итак, языковое выражение обманчиво. На обыденном уровне за словесными трафаретами скрываются различные движения души. (Впрочем, эти различия отмечены в нюансах обращения, в мимике, жесте, интонации, выражении глаз и лица. Но они достаточно слабо проявлены в сравнении с силой внешнего вещания и слышимы только чутким, посвящённым ухом.)

На высоких же ступенях проявления духа, когда внешне всё пестрит разнообразием, за всем этим слышится звучание Единого.

О языке

Язык в своей статике дискретен, формален, логичен, конструктивен, опосредован. Движение же духа непосредственно интуитивно, бесконечно спонтанно. Едино в интимном корне, и ассоциативно преломлено, и наглядно, и невыразимо одновременно, и вообще – какое угодно потому, что в нём всё. И уж если что-то из внутренних поисков оформляется в слове, то необходимо стремиться к свободе от языка, то есть к свободе в языке. Это – образность, метафоричность, афористичность, струимость и клочковатость, но и спекулятивность, и системность... Нужно ли всё доказывать, систематизировать? Отдавать дань наработанным рациональным формам? Ведь система разума не цель, а средство для проявления и оформления первоначальных интуиций. Импрессионистические наброски плюс систематическое оформление.

Попытки представить беспредельность мира в конечных терминах каждый раз оканчиваются неудачей. Снова и снова встают невозможные вопросы: что есть мир? Что есть всё в этом мире? Что есть люди? Я всё больше узнаю о том, что я делаю, но никогда не узнаю – зачем? Для чего и для кого Я? Песчинка в бесконечности, точка. В этом меня пытается уверить знание. Так мало у меня всего, пока я есть – ничего в сравнении с бесконечностью. Меня нет – вообще ничего нет. Зачем же Я? А всё кругом? Они для меня или я для них? Может, мы все вместе для чего-то? Для чего? – Для «светлого будущего»? – Кого? – Всех? – Зачем?.. Для того, что будет после нас?.. Вы знаете, что будет?..

Я – мгновение. Человечество – мгновение. Мир – мгновение. Кому нужны эти мгновения? Люди рвутся к Непостижимому, и Оно – ускользает. Как только в отдельных телах мы начинаем искать смысл общего – он всякий раз исчезает. Меняются точки зрения на зримое.

Но во всём, с чем мы как-либо имеем дело, нам является Нечто, с нами остаётся нечто постоянное. Перед лицом вечности человек испытывает некий душевный настрой, некое постоянное ощущение. Они свидетельствуют: есть Он, Тот Мир. Суть этого внутреннего настроя и пытается выразить бесконечно далекий, как и всё словесное, но единственно близкий ему термин – Вера.

Несправедливым кажется утверждение, что в этом ощущении у человека *«вместе с самоосознанием и мирознанием прорывается наружу чувство собственной малости, ничтожности, бренности»* (Паульсен). Но человек ведь в каждое мгновение бесконечен! Или возможно указать вещественные, духовные, временные начала и концы каждого человека? И оказывается, что именно в человеке является для человека вечное и бесконечное. Человек, дух человеческий – *«зеркало всей Вселенной»*. Бесконечность мира является человеку прежде всего в бесконечности сущности человека. Сознание – только частица этой сущности, слабая её плёночка. *«В каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, то есть имеются в самой душе изменения, которые мы не сознаём... но в соединении с другими восприятиями они оказывают своё действие и ощущаются... в своей совокупности»* (Лейбниц). Понятно, что совокупное воздействие бесконечного множества «восприятий» или «состояний» в конечном счёте определяющее. Пытаясь понять силу этого воздействия, мы называем её Верой.

«Итак, что я понимаю, тому и верю, но не всё, чему я верю, то и понимаю. Всё, что я понимаю, то я знаю, но не всё то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю» (Августин).

Индивидуальное и всеобщее

Каждый человек обладает независимыми интуициями (Бог, единое, многое, добро, зло, материя, дух, Я, жизнь, смерть и т. п.) своими телесными, душевными, духовными движениями каждый пытается выразиться по их поводу. Начальный уровень выражения в духе – формальное знание.

Но противостояние здесь бессмысленно. Каждый делится индивидуально ему открывшимся видением, определённой стороной бытия. Но каждое воззрение стремится к своеволию, принимает индивидуальные критерии истины за абсолютные, на основе их пытается судить обо всём. Утверждает только себя как действительное бытие. Отвергает бытие других позиций, возможность инакомыслия личности. Этим отвергает принцип личности.

Смысл существования на этом уровне сводится к сосуществованию различных сущностей. Но этот смысл открывается с более высокого видения...

Оценки каждой персоны не могут быть общезначимыми, поскольку они выражают точку зрения определённой позиции на мир в целом. Всё моё мировоззрение определено моей организацией. Поэтому я могу говорить только о своём субъективном опыте. Но опыт этот для меня абсолютен, объективен. Я его переживаю всё более сознательно, он доступен мне во всех своих бесконечных изгибах, хотя и не в ясной форме. Вне этого опыта для меня ничего не существует. Отсюда для меня он общезначим. Субъективным мой опыт становится, только входя в сосуществование с другими. Здесь он «верифицируется», опровергается, встречается или попросту не замечается. Возможна ли всеобщая значимость индивидуальных выражений? Если возможна, то какими путями и в какой форме?

Очевидно, сам факт сосуществования различных сущностей (индивидуальностей) предполагает всеобщий единый смысл этого сосуществования. Очевидно также, что этот всеобщий смысл является трансцендентным индивидуальной сущности. Иначе единичность выражала бы этот смысл во всеобъемлющей полноте и потому сама стала бы этим смыслом. Но если она не выражает полностью трансцендентного ей смысла, то её существование заключается в непрекращающейся попытке выразиться по поводу него. Движение многого в едином возможно мыслить только как стремление множества к Единству. Стать выразителем всеобщего смысла – это провозглашение своеволия. Но достигнуть этого смысла на своём индивидуальном пути, пути, который признаёт и все рядом существующие, – это выражение осмысленной (облагороженной смыслом) воли.

Таким образом, возможно существование братского царства мирно сосуществующих воль, то есть таких индивидуальностей, из которых каждая само-признаётся в выражении общего смысла и к тому же признаёт все существующие выражения. Здесь понимание друг друга и миропонимание близки. Открывается общий путь и позиция каждого в нём. На высотах этого становления возможны уже общезначимые выражения.

(Сделать несколько указаний, что проблема будет прояснена впоследствии.)

Итак, только на пути своего индивидуального становления я могу достигнуть общезначимости (оттого я не буду стремиться к преждевременному избавлению от субъективизма).

Прагматическое предисловие

Мой опыт свидетельствует мне, что всё в этом мире преходяще. Конечен и мир в целом. Но моя вера убеждает меня в том, что, имея свой конец, мир необходимо должен иметь и начало. Что-либо из ничто создано быть не может. Значит, существующий мир не возник из ничто. Он стал таким из чего-то другого, то есть он сотворён. Но творение обязательно предполагает Творца. Творение создаётся Творцом для какой-то цели, для чего-то.

Итак, мир сотворён, и сотворён он не для бессмысленного существования, а к чему-то предназначен. В чём же назначение мира? В чём смысл его движения, его жизни? И доступен ли этот смысл мне?

Живя в этом мире, я осуществляю внемировые ценности. Смысл моего существования – в осуществлении этих ценностей. Сила утверждения ценностей движет каждым мгновением моего существа. Так они практически воплощаются. Одной из высших форм воплощения их являются акты рефлексивного волеизъявления. Я разумно ищу формы и нормы этих ценностей. От того, что я найду вне этого мира, зависит моя позиция по отношению ко всему в мире. (Область ценностных норм трансцендентна миру, т. к., поскольку они здесь, в этом мире

осуществляются, постольку они не от мира сего.) В определённом смысле можно сказать, что различные формы духовного движения (философия, религия, искусства...) есть поиск и формулирование этих ценностей.

Область этих поисков всегда одна, тождественна. Но формы, то есть сформулированные нормы – идеально-историчны (социальная история – это процесс другого), являются человеческими именами Абсолюта, следами движения к Абсолюту.

Итак, опыт обращения к различным сторонам бытия в мире убеждает, что, во-первых, мир этот пронизан единым смыслом, и что, во-вторых, смысл этот всегда остаётся Тайной. То есть он вне этого мира, трансцендентен ему. Мы видим далее, что бытие мира – это бесконечное приоткрытие Тайны Трансцендентного. Но что этот процесс не предопределён, требует волевой направленности к Трансцендентному и творческому усилию для его воплощения **здесь и теперь**.

Собственно, **предварительные заметки** и описывают духовные движения на различных этапах поиска **направленности**. Описывают не путь, а как бы духовные ощущения в нём, т. к. сам путь – тоже тайна. И когда в пройденном происходит освобождение от «идолов», то есть от отдания себя различным данностям бытия в мире (хотя бы и самым высоким из них), тогда только и начинается собственно духовное становление. В глубине собственного бытия человека обнаруживается бесконечный источник духовной жизни. Человек обнаруживает в себе сферу трансцендентного. Это трансцендентное-в-себе трансцендирует к трансцендентному-во-вне. Так единичность обращается к Единому, к Абсолюту.

Истоки

Раннее христианство отрекается от многих предшествующих и современных ему духовных течений и исканий и обращается к Библии и платонизму как к чистому источнику. Формируется предание.

Православие и католицизм расходятся в традициях толкования Писания, то есть выражают особые пути формирования предания.

Протестантизм вообще отрекается от предания (исторического толкования Писания) как принципиально неверного пути. Истинным признаётся только непосредственное Богопознание. Человек сам должен стать лицом к источнику Божественной мудрости (Писанию).

Везде и всегда указывается на то, что всякое историческое оформление Откровения ограничено, своевольно, а потому догматическое следование его выработанным нормам уводит в сторону от проникновения.

При этом нигде не отмечается, что всякая попытка поворота к первоосновам представляет то же историческое оформление откровения. Якобы, отвергая исторический ряд откровений, на самом деле новая форма встраивается в этот ряд. Являет собой другое звено этого ряда.

По форме разный, но по сути происходит тот же процесс: мирское тянется к своему вне мира стоящему смыслу и этим преобразует самоё себя, то есть мир.

Поэтому более высоким выражением отношения к этому процессу будет **не противостояние** какой-либо, в том числе и своей, попытки остальным или некоторым другим, а **сопоставление**. Эта позиция даёт возможность оценить всё в мире как необходимое и Божественное, а потому близкое и мне. Это даёт возможность высокой духовной оценки всех плодов в мировом процессе и своего места в нём.

Не отвергая всё множество и всю извилистость пройденного, не противопоставляя себя им, я в то же время ощущаю историческую замутнённость духовного потока. Через него я пытаюсь достигнуть чистоты источника и найти в нём возможность духовного обновления.

Афины и Иерусалим – основные исторические источники европейского Духа. Из всего их богатства и выражения мне ближе всего Библия и Платон как наиболее близкие к попытке выразить глубину Невыразимого. Всё остальное для меня играло роль указаний, толкований, то есть подручного материала, который может помочь в пути, но может и затруднить его или

увести в сторону. Эта работа – итог духовной жизни, которую можно было бы определить как гностическое вживание в тексты Писания и Платона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.